W 286/263
Гран.

ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!

*

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

*

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотекарю немедленно.

*

Не выносите книги и журналы из читального зала в буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

*

Книги, полученные по междубиблиотечному абонементу, могут быть использованы только в читальном зале.

*

Возвращайте книги в установленные сроки.

*

В случае инфекционного заболевания в квартире абонент обязан сообщить об этом в Библиотеку.

*

Лица, виновные в злостной порче и хищении книг, отвечают по суду в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года «Об ответственности за сохранность книжных фондов».

2263

Р. С. Ф. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АЛЬБЕРТ ГРАН.

Прибалтийские Государства.

(Литва, Латвия, Эстония).

Высший Военный Редакционный Совет.
Москва—1922 г.

ИЗДАНИЯ
Высшего Военного Редакционного Совета.

„Наставление для ведения занятий с гренадерами“, изд. 2.

Кукушкин.—„Красная дивизия“.

Шапошников. „Конница“.

„Руковод. для службы при 76 м./м. 3-дм. короткой пушке обр. 1912 г., отд. 1. Устройство пушки“.

„Руковод. для службы при 76 м./м. 3-дм. противоштурмовой пушке отд. 1. Устройство пушки“.

Черемных — „Басня про красноармейца, у которого из-за пуговицы голова пропала“.

„О деятельности военного ведомства по оказанию помощи голодающим“.

„Изменение основной инструкции для приема 3-х лин. боевых винтовочных патронов.“

Лучинин.—„Руководство для ведения военной игры со старшим и высш. комсоставом войск в част. М. О.“.

Зеликман.—„От Вашингтона до Генуи“ (прилож. к № 2 „Политраб.“).

„Бюллетень Политуправления РВСР № 1—4“.

„Инструкция на прием капсюлей к 3-лин. винтовкам“.

Башинский.— „Пособие для стрельбы при 76,2 м. м. французской полевой скорострельн. пушки. Описание материальной части“.

„Памятка коммунисту, комиссару, политруку и политработнику Красной армии и флота“.

„Наставление для обучения молодых красноармейцев пехоты“.

Беркман.—„Конференция в Генуе и Красная армия“.

„Церемониал приведения Красной армии к красной присяге“.

Троцкий. – „Весенние происки врагов“.

Фролов и Куликовский.—„Государственная роспись доходов и расходов и исполнение финансовых смет“.

„Наставление для ведения стрелковых занятий с командным составом РККА“.

„Сб. воспоминаний непосредственных участников гражданск. войны 1918—1922 г.“

Унтилов. – „Руководство по всем видам личного и денежного довольствия РККА“.

„О партконференции моряков“ (листовка).

Когоут. – „1-е мая“ (плакат).

„Инструкция осматривающим оружие в войсках“.

Горев.—„Голод и церковные ценности“.

Трунов.—„Краткие учебные пособия по воздушной артиллерии“.

„Полные таблицы стрельбы из 107 м./м. 42-лин. пушки обр. 1877 г. зарядами бездымного пороха“.

Моор. – „Торжественное обещание“ (плакат).

Окулов.—„Там, где смерть“.

Найденов.—„Измерительная фотография“.

Юрьев. – „Крылья типа Юнкер, прием аэродинамического расчета самолета“

Лапчинский. – „Красноармейцу от летчика“.

W 286/263

W 286/263

АЛЬБЕРТ ГРАН.

Прибалтийские Государства.

(Литва, Латвия, Эстония).

Кол 27754

Библиотека Музея Революции

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
МОСКВА—1922 г.

2020246700

В. В. Р. С. № 687. Тираж 6000
Главлит 2061 Военная Типография, Знаменка, 23.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I. Стр.

Прибалтика при царском режиме.

Революция 1905 г. и карательные экспедиции. 7

ГЛАВА II.

Война 1914—1917 г.г.

Германская оккупация. 9
Крушение германского империализма. 12

ГЛАВА III.

Советская власть в Прибалтике.

Советская власть в Латвии. 13
Советская власть в Эстонии. 15
Советская власть в Литве. 17

ГЛАВА IV.

Эстония.

Государственное устройство Эстонии и ее внутрен.положение 19
Война с Советской Россией 20
Мир с Советской Россией. 25
Экономическое положение страны. 28
Рабочий вопрос. 29
Коммунистическое движение 30
Народное образование 31
Национальные меньшинства 31
Армия 32
Русские белогвардейцы в Эстонии. 33

ГЛАВА V.

Латвия.

Территория и население. 34
Современное Латвийское государство. 35
Мир с Советской Россией. 37
Дальнейшие взаимоотношения с РСФСР 38
Экономическое положение. 40
Национальный вопрос 42
Армия 43

ГЛАВА VI.

Литва.

Территория и население 44
Создание „демократической“ Литвы. 45
„Желиговщина“ и Виленский вопрос. 45
Внешняя политика Литвы 47
Экономическое положение Литвы. 49
Сельское хозяйство. 49
Промышленность 49
Внешняя торговля 50
Финансы. 50

ГЛАВА I.

ПРИБАЛТИКА ПРИ ЦАРСКОМ РЕЖИМЕ.

Нынешние Прибалтийские государства имеют за собою длинную историю, историю ужасных унижений, истязаний и пыток, которым в течение долгих столетий подвергались эти три маленькие народа: латыши, эстонцы и литовцы.

Подробная история этих народов не является темой нашей брошюры; скажем лишь, что, начиная с 1140 года, властителями края были то немецкие рыцари, то шведы, то поляки и, наконец, русские. Каждая из этих властей старалась выжать из края возможно больше соков, старалась возможно больше закабалить и без того обездоленное, забитое крестьянство. В течение не одного века местное крестьянство, особенно латышское, было в полной кабале у немецких баронов-помещиков. Помещик являлся и единственным судьей для своих крестьян. Пытка раскаленным железом была излюбленным орудием следствия. Когда судились два помещика, они посылали на суд двух своих крестьян. Каждому из них давали в руки раскаленное железо Тот помещик, чей раб меньше обжигался, выигрывал дело. Таковы были жестокие нравы того времени. Лишь присоединение Лифляндии к Швеции в 1625 году дало некоторые облегчения Лифляндским крестьянам. В 1721 г. после Северной войны Лифляндия переходит к России. Для края начинается самая мрачная эпоха рабства и бесправия. Покоритель края, Петр 1-й, считая единственными представителями края немецких дворян, сразу согласился на отмену всех привилегий, добытых крестьянами у шведов. Помещики опять стали полными, неограниченными владыками над своими крестьянами. Кроме того, на крестьян ложились и многие государственные тяготы: так, при царице Елисавете Петровне курляндские крестьяне были обязаны перевезти к западной границе целую русскую армию; при этой перевозке от морозов погибло до 10.000 человек и несколько десятков тысяч крестьянских лошадей.

Первые волнения среди прибалтийских крестьян начались в 1770 году. Крестьяне дружно восстали против помещиков. Восстание было подавлено войсками. Однако, восстания в крае не только не прекращались, но развивались все с новой силой. Господство немецких баронов держалось в крае лишь на русских штыках. В 1784 г. было жестоко подавлено вызванными из России войсками (местные гарнизоны справиться сами не смогли), вооруженное восстание крестьян, вызванное неправильным сбором податей.

Неистовства баронов достигали таких ужасных размеров, что даже русское правительство вынуждено было вмешаться и издать в 1765 г. специальный закон, „охраняющий", якобы, прибалтийское крестьянство от произвола помещика. Однако и по этому „охранительному" закону за помещиком оставалось право „наказывать виновных кнутом" и двадцатью ударами розог. И по закону немецкие бароны продолжали истязать своих рабов попрежнему. Не лучше жилось крестьянам и у духовных отцов—священников (пасторов), владевших тогда крупными усадьбами. „Святые отцы" „учили" своих крестьян еще более усердно, чем это делали обыкновенные помещики, что заставляло крестьян часто бежать из их поместий.

В XVIII столетии появилось новое горе.

Помещики стали курить вино, а так как оно находило себе хороший сбыт в России, то они тратили на это большую часть ржи. Вследствие этого наступили страшные голодовки. Крестьяне были вынуждены питаться хлебом из муки с примесью древесных опилков; тысячи крестьян умирали.

Крупные крестьянские волнения вспыхнули вновь в 1804 г. при Александре I. Вдали витал призрак Французской Революции, и слухи о каких-то свободах дошли и до забитых прибалтийских крестьян. Начались первые крестьянские забастовки. Крестьяне отказались работать на помещиков. Вооруженные чем попало, они оказывали сопротивление войскам; было даже произведено,—правда безрезультатное,— покушение на генерал-губернатора края.

Восстание кончилось жестокой расправой—многие крестьяне были казнены, другие посажены в тюрьмы и сосланы в Сибирь.

Не легче стало крестьянам и после „освобождения". Помещик сумел их еще больше прижать разными арендными условиями и повинностями. Особенно же невыносимо стало положение безземельного крестьянина-батрака, над которым кроме помещика получил власть и „дворохозяин" (зажиточный крестьянин), у которого он работал; последний мог даже подвергать его телесному наказанию. Это и было началом борьбы между батраками и зажиточными крестьянами (впоследствии хуторянами), сыгравшей особую роль в дальнейшей истории Прибалтики и характеризующей и современное состояние Прибалтийских областей.

С этого момента застрельщиком всех „беспорядков" и восстаний в крае уже является сельский пролетариат (батраки), в то время как раньше во главе движения

стояли дворохозяева. Теперь с получением некоторых преимуществ они отошли в лагерь угнетателей.

Уже в 1841 году вспыхивают чисто батраческие волнения, подавляемые вооруженной силой. Следующие годы, главным образом 1860—1870 г.г., были годами расцвета, с одной стороны, мелкого землевладения в крае и создания нового класса, т. н. „серых баронов", более крупных собственников—крестьян, которому суждено было впоследствии сыграть значительную роль в деле создания современных прибалтийских буржуазно-демократических республик. С другой стороны, это был период накопления сил беднейшими слоями сельского и городского населения для дальнейшей упорной борьбы с угнетателями.

С тех пор прибалтийским батракам пришлось перенести еще не мало насилий и издевательств со стороны помещиков и кулаков, им пришлось перенести также всю тяжесть реакционного царствования Александра III, отдавшего батраков еще в новую кабалу—многочисленных арендаторов. Так продолжалось до 1895 года, когда в край впервые проникло социал-демократическое учение, нашедшее живой отклик и могучую поддержку среди сельского и народившегося к тому времени городского пролетариата.

Революция 1905 г. и карательные экспедиции.

Как характерную особенность революционного движения в Прибалтике, следует отметить, что единственной революционной партией, собравшей под своим знаменем все пролетарские элементы города и деревни, была с самого начала Социал-Демократическая Рабочая Партия (ныне Коммунистическая). Еще в те годы, когда крестьянство, а отчасти рабочий класс России, шли за социалистами-революционерами, в Прибалтике партия эсеров насчитывала всего несколько десятков сторонников; уже в 1905 г. в рядах латышской с.-д. партии было 1.000 организованных членов; за период с июня 1904 г. по июнь 1905 г. она выпустила *свыше миллиона брошюр и листовок* Это же явление, об'ясняемое преобладанием чисто пролетарского безземельного крестьянства, имело место также в Эстляндии и в Литве.

Начиная с 1903 г., революционное движение в Прибалтике не прекращается, непрерывной чередой следуют забастовки на фабриках и заводах, политические демонстрации и выступления под знаменами с.-д. партии. Нередко демонстрации устраивались даже в церквах, где крестьяне криками „долой самодержавие" мешали пастору (священнику) читать молитву за царя.

Бароны-помещики, для охраны своих поместий, поступали на полицейскую службу и в качестве полицейских налагали на крестьян разного рода повинности, вплоть до охраны помещичьих винокуренных заводов и винных лавок, бывших, как мы говорили выше, многие годы причиной страшных голодовок крестьян. Озлобление против помещиков все росло.

Помещики добились, наконец, присылки вооруженных частей (казаков), но и они не смогли справиться с нарастающим революционным движением, которое в октябре 1905 г. приняло всероссийский характер. К об'явленной всероссийской забастовке примкнули немедленно и революционно-настроенные рабочие и батраки Прибалтики.

Настал момент, когда забитый батрак мог отплатить помещику за все перенесенные унижения. Началось стихийное движение в деревнях. Полиция обезоруживалась и ее место занимала народная милиция. Баронские замки отбирались, земли разделялись между безземельными крестьянами. Замки наиболее ненавистных помещиков сжигались. Всего было уничтожено 150 замков. Много помещиков, не успевших скрыться, было убито. Народ мстил за столетия рабства и кабалы; но, вместе с тем, он не терял и общей линии организованного движения; всюду избирались советы сельских депутатов, а 19—20 ноября состоялся с'езд сельских депутатов, собравший до 800 делегатов. С'езд постановил не признавать существующего правительства, не платить налогов и податей и для поддержания революционного порядка организовать народную милицию.

Однако, правительство решило, ценой тысяч рабочих жизней, купить „устойчивость трона". 24-го ноября в крае вводится военное положение и начинается самая страшная страница в истории Прибалтийских народов.

В Прибалтике появляются карательные отряды, начинающие „наводить порядок" в стране. Героями этих отрядов являются генерал Орлов в Лифляндии и Курляндии и барон ротмистр Сиверс (местный помещик)—в Эстляндии.

Можно смело сказать, что в революционный период 1905—6 г.г. Прибалтике пришлось испытать во много тысяч раз больше ужасов, чем всей остальной России.

Зверства офицеров и вернувшихся в свои поместья баронов не знали пределов. Вешали, расстреливали, истязали, подвергали самым утонченным пыткам, напоминающим времена далекого средневековья. Целые деревни сносились с лица земли снарядами или сжигались до тла; а где этого не было, там складывали в кучу скарб несчастных

батраков, заподозренных помещиком в революционности, и сжигали в присутствии самого владельца, которого затем после мучительных пыток расстреливали или вешали. По всему краю стоял стон десятков тысяч засеченных до полусмерти, подвергнутых пыткам людей.

Приведу несколько цифр.

Только за период с 1-го декабря 1905 г. по 1 февраля 1906 г. *в одной Курляндской губернии было повешено — 18 челов., расстреляно 621 человек; убито во время стачек — 320 человек; телесному наказанию подвергнуты — 251 чел.; сожжено 97 крестьянских хозяйств.*

Это сухие цифры, а за ними встают окровавленные тени невинных страдальцев, павших в борьбе за народное дело под пытками палачей.

Впоследствии, когда первый пыл прошел, были устроены для видимости военно-полевые суды, даже с участием местных „представителей", конечно, из самых реакционных помещиков, во главе с пастором Недрой, еще и по сей день свободно обитающим в „демократической" Латвии.

В Эстляндии, где орудовал ротмистр барон фон-Сиверс, восстание подавлялось с неменьшей жестокостью, чем в соседних Лифляндии и Курляндии; так, в Фелине Сиверс лично произвел экзекуцию чуть-ли не над всем населением городка, забивая на смерть свои жертвы, многим из которых приказал дать до 200 ударов нагайкой. Этот же фон-Сиверс особенно прославился истязаниями малолетних: врывался в школы и под предлогом изгнания „крамолы" подвергал неистовой порке всех учеников. Протестующие учителя подвергались той же участи.

За эти кошмарные месяцы погибло несколько десятков тысяч батраков и рабочих Прибалтики, но на их крови выросло новое, могучее поколение, лучшие представители которого покрыли себя неувядаемой славой в рядах нашей Красной армий (латышские части) и обильно оросили своею кровью многочисленные фронты Республики.

ГЛАВА II.

ВОЙНА 1914—1917 г. г.

Германская оккупация.

Все в том же безвыходно тяжелом положении бесправия и рабства застигла Прибалтику империалистическая война. Если война, ее ужасы и зверства были территориально далеки от тульского или тамбовского крестьянина, то перед

лифляндцем, эстляндцем и литовцем они стояли непосредственно у его полей и огородов, внося страшный разлад в жизнь и трудную работу пахаря-земледельца.

Война, затеянная царским правительством из чуждых русскому народу захватнических интересов, была чужда и крестьянам и рабочим Прибалтики; однако, для них вопрос об отношении к войне был более сложен, чем для крестьян и рабочих всей России: не искушенный в политике прибалтийский крестьянин не мог сразу докопаться до истинной причины войны и видел перед собою в лице наступавшей германской армии именно тех баронов-помещиков, которые его столько веков угнетали; этим то и решила воспользоваться националистически настроенная прибалтийская (преимущественно латышская) мелкобуржуазная интеллигенция, задумавшая создание специальных латышских воинских частей. Однако, им не удалось втянуть в них сколько-нибудь значительное количество батраков и рабочих; шли в них сынки „серых баронов" (кулаков), сами интеллигенты и купцы, и лишь незначительная часть рабочих и крестьян, одурманенных национальными лозунгами вожаков. Эта то горсточка и сыграла впоследствии главную роль. О роли этих латышских частей в дальнейшем мы скажем в главе о Латвии; теперь же остановимся на первых месяцах войны, во время которых значительная часть Прибалтики стала ареной военных действий.

В первый раз германские войска вторглись в край еще в сентябре 1914 г. (т. е. два месяца спустя после начала войны) и захватили часть пограничной Сувалкской губ., однако, скоро были оттуда выбиты. Зато в феврале 1915 г. после поражения русской армии в Мазурских озерах немцы вторгаются в край уже на долгое время. Эта операция преследовала двоякие цели: с одной стороны, защитить от возможного удара Восточную Пруссию, с другой,—отвлечь внимание русского командования от готовящихся значительных операций на южном фронте.

Русская армия отступает шаг за шагом в направлении Риги. Германцы твердой ногой становятся на Литовскую землю.

Война принесла краю огромные лишения и бедствия. Литовский крестьянин выбивался из своей рабочей колеи, угонялся иногда за сотни верст рыть окопы, то для русских, то для германцев, в зависимости от того, кто в данный момент был хозяином в его деревне. Сегодня ему приходилось кормить русских солдат и их лошадей, завтра германцев.

Русская армия, мало боеспособная и плохо снабженная, была отброшена к Неману.

7 мая 1915 г. занимается германцами Либава—одна из главнейших баз нашего флота на Балтийском море и один из самых больших и благоустроенных русских портов.

Между Либавой и Митавой происходят жесточайшие бои, всю тяжесть которых пришлось испытать латышу-крестьянину.

Весь май идут ожесточенные бои за переправу через Неман.

Одна за другой падают главнейшие звенья русской крепостной цепи.

19 сентября пала Вильна и с ней перешла в руки немцев и вся Литва. Таким образом, к октябрю 1915 г. в руках немцев находилась уже вся Литва и Курляндия. В связи с занятием последней и непосредственной угрозой Риге, большинство рижских фабрик и заводов было эвакуировано вглубь России, а тысячи рабочих оказались без работы. В таком же положении очутилось все рабочее население Вильны.

Немцы, овладев краем, организовали специальное „Управление Восточными областями", во главе которого был поставлен принц Леопольд Баварский. Край скоро почувствовал тяжесть и германского юнкерского сапога. Рабочие организации и собрания строжайше преследовались, газеты на местных языках, за исключением издаваемых германским управлением (напр., „Дабартис" на литовском языке), были запрещены. Больше всего, конечно, страдало от юнкерского режима рабочее население, выброшенное, как мы уже говорили выше, на улицу с закрытых фабрик и заводов. За тяжелые годы германской оккупации вымерло от голода и эпидемий почти все старое рабочее поколение и значительная часть молодого.

Удушение профессиональных рабочих организаций, лишение свободы передвижения и тягчайшая безработица— вот чем характеризуются годы германской оккупации. Под властью германских империалистов литовскому и латышскому крестьянину и рабочему было еще хуже, чем при царском режиме. Правда, немцы пытались „бороться" с безработицей путем создания мастерских, работавших на нужды германской армии; однако, это было лишь паллиативом — накормить всю безработную рабочую массу этим, конечно, нельзя было. Зато они насильно гнали мужчин и женщин на окопные работы, проведение новых жел. и шос. дорог, на рубку леса и т. п. Других же отправляли на принуди-

тельные работы в Германию. Эти принудительные работы окрестили рабочие каторгой, и от них бежал каждый, кто только мог.

Крушение германского империализма.

В таком невероятно тяжелом положении застала Прибалтику революция в России.

В далеком Петербурге литовские националисты собрали в 1917 г. литовский с'езд, потребовавший автономии Литвы. На этой почве произошел на с'езде раскол между левой группой, стоявшей за федерацию с Россией, и правой, стоявшей за полную независимость Литвы; однако, с'езд этот никаких реальных результатов не дал. Несколько позже, осенью 1917 г. был созван немцами в Вильне другой литовский с'езд, прошедший без свободы выборов и под явным давлением германцев, запрещавших даже печатать отчеты о его заседаниях. С'езд этот выделил временный Литовский Совет (Тарибу), признанный германцами. Для окончательного закрепления за собой влияния в Литве немцы принудили безвольную Тарибу „избрать" литовским королем германского католического принца Ураха под историческим именем Миндовга II. Немцы, предвидя уже надвигающуюся революцию, признали даже независимость Литвы на условиях военного, железнодорожного, таможенного и монетного союза с Германией.

Еще раньше (в августе 1917 г.) немцы заняли Ригу, воспользовавшись разложением старой русской армии.

Таким образом, к октябрьской революции вся Литва и Латвия были целиком в руках германских оккупантов.

Начинаются Брест-Литовские переговоры, где немцы пытались доказать, что „ясно выраженная" воля народов Прибалтики требует присоединения ее к Германии, или, проще говоря, стремились под тем или иным соусом аннексировать эти области. Наша делегация, в частности, эксперты по национальным вопросам (т. Стучка от Латвии и т. Мицкевич-Капсукас—от Литвы) горячо возражали против этих захватнических планов, опровергая яркими фактами все указания германской делегации на „свободно выраженную населением волю". После Брестского мира германские войска оккупировали всю Эстонию под предлогом „охраны населения".

Германская революция и крах германского империализма переносят Прибалтийский вопрос в другую плоскость. Германские войска поспешно очищают край, распродавая

по дороге и бросая на произвол судьбы вооружение, обмундирование и продовольствие.

Красная армия, начавшая наступление на Западном фронте, постепенно занимает большую часть Литвы, Курляндии, Лифляндии и Эстляндии; начинается краткий период Советской власти в Прибалтике.

ГЛАВА III.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В ПРИБАЛТИКЕ.

I. Советская власть в Латвии.

В Латвии власть перешла в руки рабочих в то же время, как и в Литве, т. е. в момент крушения германского империализма и ухода германских войск из оккупированных областей. Уход немцев был совершен под давлением союзников, поставивших одним из своих требований очищение оккупированных областей. Однако, сами союзники не могли выступить в роли оккупантов, ибо это вызвало бы законное возмущение английских и французских рабочих. Вместо себя они выводят на арену искусственно создаваемые (гл. обр. Литва) маленькие буржуазно-демократические республики Латвии, Литвы и Эстонии. Однако, пока эти республики не имели еще своей армии, союзники заставляют немцев охранять их при помощи своих добровольцев.

В Латвии в этих целях они формируют бутафорское правительство из „демократически“ настроенной буржуазии и интеллигенции, которое должно было захватить власть немедленно после ухода германцев. Однако, революционное настроение рабочих кварталов Риги все растет, и из гущи рабочего класса раздаются настойчивые требования захвата власти в свои руки. Как мы уже говорили, латвийский рабочий класс еще со времени самодержавия шел только за одной революционной партией—за партией большевиков; под ее знаменами он выступил и теперь.

Нарождавшаяся Советская власть в Латвии могла смело рассчитывать на полную поддержку сильного духом рабочего класса, а также всего угнетенного безземельного крестьянства всей Латвии.

На помощь восставшим пролетариям Латвии спешили их братья, сражавшиеся в рядах Красной Армии—славные латвийские стрелки. 14 декабря начинается движение Красных частей на Ригу.

25 декабря ВЦИК признает независимость Латвии, и в тот же самый день распространяется по всей Латвии воззвание—манифест только что сконструированного советского правительства Латвии, состоявшего из 9-ти человек во главе с старым ветераном латышского революционного движения, тов. Стучкой.

К первому января в руках красных латышских стрелков уже были Вольмар и Венден, а несколько дней спустя и сильно укрепленный Хинценберг (в 40 верстах от Риги). В это время в Риге происходит внезапное восстание среди белых латышских частей (насильственно мобилизованных). Усмирением их, как и следовало ожидать, занялись англичане, выпустившие из орудий своей эскадры по городу 10 снарядов и расстрелявшие по военно-полевому „суду"—10 человек повстанцев. После протеста Советского правительства Латвии английская эскадра 3-го января уходит в море, и в тот же день в Риге вспыхивает всеобщее восстание. Власть переходит в руки восставшего пролетариата.

3-го ночью прибыли в Ригу члены Советского правительства, и уже 14-го января состоялся в Риге „Первый с'езд рабочих, безземельных и стрелковых депутатов Латвии". К моменту открытия с'езда волна рабочих восстаний освободила Митаву, Туккум и Тальсен и вплотную окружила Либаву и Виндаву, находившиеся еще в руках германцев. На с'езд собрались около 700 делегатов, выразивших в ряде постановлений свое доверие Советскому правительству Латвии и свою неуклонную волю к продолжению борьбы за освобождение всей страны. В дальнейшем с'езд принял целиком конституцию РСФСР и поручил правительству разработать основные положения взаимоотношений между обоими республиками.

По окончании с'езда началась будничная напряженная работа по организации Советской власти.

Путь Советской власти в Латвии был невероятно тяжел: почти полное отсутствие промышленности, частью эвакуированной в начале войны в Россию, частью вывезенной немцами, создало ужасную безработицу, борьбе с которой Советская власть отдала немало своих сил. Был также поднят вопрос о реэвакуации в Латвию фабрик и заводов, вывезенных в Россию, но провести это в жизнь за короткое существование Советской власти в Латвии не удалось. Советскому правительству удалось, однако, преодолев все препятствия, пустить в ход все оставшиеся фабрики, приспособленные немцами к нуждам армии (консервные и другие.) Частично начали работать—Балтийский вагоно-

строительный завод „Феникс“, лесопильный завод Клименса и другие; правда, работа на них велась в очень сокращенных, по сравнению с довоенным временем, размерах (на Балтийском заводе вместо 1500 рабочих работало всего 600).

Однако, несмотря на все эти трудности, в особенности в связи с отсутствием машин и сырья, комиссариату промышленности удалось пустить в ход целый ряд предприятий, на которых к 1 мая работало уже более 10.000 рабочих.

Что касается аграрного вопроса, то все помещичьи земли были переданы местным советам и, таким образом, в основу аграрной политики положены „Советские хозяйства“, которых было организовано до 300.

Вместе с тем были приняты энергичные меры к снабжению крестьян инвентарем, для чего созданы специальные мастерские и заводы сельско-хозяйственных орудий.

Однако, положение Советского правительства было невероятно трудным. При общей разрухе промышленной жизни страны ему еще приходилось сдерживать все время бешеный натиск белых латышских частей под командованием генерала Баллодиса, сорганизованных и вооруженных союзниками. Преодолеть их ему не удалось: 22-го мая после отчаянного сопротивления пала Рига, и озверелыми белогвардейцами были расстреляны до 1000 наших товарищей.

Советская власть в Эстонии.

Краткая история Советской власти в Эстонии делится на два периода. В первый раз Советская власть в Эстонии образовалась немедленно после октябрьского переворота, когда „Всеэстляндский Совет рабочих, солдатских, крестьянских и матросских депутатов“ вырвал власть из слабых рук комиссара Временного правительства Поски (впоследствии одного из министров „демократической“ Эстонии). В течение неполных пяти месяцев Советской власти в Эстонии, при отсутствии подготовленных работников, там все же было сделано очень многое: во всех городах Эстонии власть была взята в руки местных Советов, все комиссары Временного правительства были свергнуты; фабрики и заводы национализированы, и, что самое главное для эстонского крестьянина,—баронские имения отобраны и переданы в ведение так называемых „мызных комитетов“, т. е. в руки деревенской безземельной и малоземельной бедноты. Хорошо было организовано и продовольственное дело: при единодушной поддержке крестьянства, впервые стряхнувшего с себя вековое баронское иго, был налажен правильный

обмен между городом и деревней. Организовывалась Красная гвардия, принявшая в свои ряды лучших представителей эстонского рабочего класса. Однако, развитию ее сильно мешал недостаток оружия.

В это время эстонские националисты, успевшие с'организоваться под крылышком Керенского, собрали свой с'езд „Ландстаг". Пользуясь слабостью и мягкостью Советской власти, они стали набирать белую гвардию из сынков помещиков, хуторян и купцов. 24 февраля 1918 г. эстонские белогвардейцы свергли Советскую власть в Ревеле, а затем—и в провинции. Однако, торжество белогвардейцев было непродолжительным: после Брестского мира германцы под видом „охраны населения" оккупировали Эстонию. После ухода германских войск (в ноябре 1918 г.) власть в стране опять захватила буржуазия в лице т. н. „Национального Совета". Но красные эстонские части, сражавшиеся в рядах Красной Армии, дружно двинулись на освобождение родины. Красными эстонскими частями в течение ноября и декабря м-ца были заняты Нарва, Везенберг, Тапс, Юрьев и Верро; некоторые части уже продвинулись к Ревелю, от которого находились в 35 верстах. В Нарве в ноябре было создано правительство под названием „Правительства Эстонской Трудовой Коммуны", во главе которого был оставлен тов. Анвельт, бывший главой и „Всеэстляндского Краевого Совета" в 1917 г. Рабочие Ревеля и всей Эстонии были всецело на стороне Трудовой коммуны, на что указывает ряд рабочих восстаний, происшедших в этот момент в разных местах Эстонии, в том числе и в Ревеле.

Однако, на выручку эстонским белогвардейцам поспешили белогвардейцы Финляндии и Швеции, приславшие им на подмогу значительные вооруженные силы, а также и англичане, обильно снабжавшие их оружием и приславшие им на помощь свою эскадру.

Все это заставило плохо вооруженных эстонских рабочих после упорного сопротивления отступить. 20-го января территория Эстонии была очищена, а вместе с тем пало и правительство Эстонской Трудовой Коммуны.

Захватив в свои руки страну, эстонские белогвардейцы и их финские и шведские „гости" не замедлили устроить кровавую баню эстонским рабочим и батракам.

В эти недели страшного террора погибло до 3.000 передовых пролетариев Эстонии. Последнее восстание в эти дни на острове Эзеле было также подавлено белыми с невероятной жестокостью.

Советская власть в Литве.

В момент ухода германцев в Вильне вспыхнуло восстание польских белогвардейцев, которые захватили город на три дня в свои руки. Начавшееся наступление Красной Армии заставило польских авантюристов бежать, и почти вся Виленская губерния была занята красными войсками. Еще ранее в Вильне было образовано временное революционное правительство Литвы, во главе со старым литовским революционером тов. Мицкевичем-Капсукасом, которое после занятия Вильны организовало в Литве Советскую власть с Советом Народных Комиссаров и Литовским Центральным Исполнительным Комитетом Советов во главе. Слившись затем с Советским правительством соседней Белоруссии и образовав единую Советскую Республику Литвы и Белоруссии, оно принялось за трудную работу залечивания тяжелых ран, нанесенных стране империалистической войной и годами оккупации.

В это время бежавшая в Ковно „Тариба" создала Литовскую армию, которую пыталась противопоставить Красной, избегая, однако, в виду слабости белых войск, активных действий.

Работа Советской власти в Литве была не легкой. С одной стороны,—литовское крестьянство,—крепкое враждебное советской власти, а с другой, забитое малоземельное крестьянство и разбитый войной, плохо спаянный рабочий класс—вот те элементы, с которыми пришлось иметь дело Советскому правительству в Литве. Если к этому прибавить разоренные немцами фабрики и заводы (все машины были вывезены в Германию), разрушенные железнодорожные мосты, делавшие невозможным регулярный транспорт продовольствия, получится безотрадная картина бедствий, из которых правительству трудно было выбраться.

К тому же, стоящий у самой Вильны враг (с одной стороны, поляки, собравшие к тому времени значительные силы, с другой, — белые литовцы) не давали возможности правительству отвлечься от хлопотливых военных дел.

А в это время сильная в Вильне польская буржуазия и аристократия копала яму рабочей власти, создавая одну за другой шпионские белогвардейские организации, устраивая заговоры и железнодорожные забастовки (им удалось привлечь на свою сторону часть железнодорожников). Польским шпионам удалось проникнуть на некоторые ответственные посты и подрывать начинания Советской власти.

В частности, им удалось особенно укрепиться в комиссариате земледелия и затормозить разрешение аграрного вопроса.

Католическое духовенство, в особенности некий ксендз Мукерман (привезенный в Литву еще немцами), вело в костелах открытую пропаганду против Советской власти, вбивая в голову неграмотного крестьянина тысячи небылиц.

Наконец, 20-го апреля 1919 г., благодаря предательству части командного состава и железнодорожников, польским кавалерийским отрядом генерала Ридза-Смиглово, подошедшим по железнодорожной линии со стороны Лиды, был занят Виленский вокзал и прилегающая к нему часть города. Другая часть города геройски защищалась частями Красной армии и коммунистическими отрядами. Особый героизм проявила коммунистическая молодежь... Можно было наблюдать картины редкого героизма, когда один человек, лежа у пулемета в течение суток, сдерживал натиск неприятеля в глухом переулке древней Вильны. Таких случаев было множество.

Наконец, через 3 суток, под давлением подоспевших польских регулярных частей, Кр. Армия была вынуждена отступить и окопаться в районе Свирского озера, сохранившего еще следы германских укреплений.

Вильна осталась в руках поляков. Началась сплошная полоса белого террора. Расстреливались не только коммунисты, но и все советские служащие и просто случайные люди. Был расстрелян неуспевший покинуть Вильну Нарком Народного контроля тов. Берсон, старый партийный работник, кристальльно чистой души человек.

Начались гонения на литовских и белорусских общественных деятелей. Тысячи людей были брошены в тюрьмы, избиты до полусмерти, высланы в Белосток и Варшаву, расстреляны по дороге. Многих из наших товарищей спасло лишь взятие заложников из числа самой крупной польской аристократии и интеллигенции.

Захват поляками Вильны не мог не восстановить против них литовских националистов, создавших свое государство в Ковне, и положил начало польско-литовской вражде и так называемому виленскому вопросу, о котором речь впереди.

Как мы уже выше говорили, союзники одной из своих ближайших задач поставили создание всецело преданных им мелких Прибалтийских республик, могущих стать простыми пешками их внешней политики.

Таким образом, уже в момент своего образования „демократические“ республики Прибалтики (Эстония и Латвия)

находились в прямой зависимости от союзников, главным образом Англии, которая придавала большое значение Прибалтийским государствам, видя в них надежный барьер от проникновения коммунизма на Запад.

В несколько другом положении оказалась Литва, находившаяся под влиянием Германии.

Теперь перейдем к рассмотрению созданных таким образом демократических республик Прибалтики—Латвии, Литвы и Эстонии в отдельности.

ГЛАВА IV.

ЭСТОНИЯ.

Территория и население. Эстония занимает в настоящий момент территорию бывшей Эстляндской губернии, Перновского, Веросского, Эзельского, Юрьевского и Феллинского уездов Лифляндской губернии и Печорского края (часть Псковской губернии). Общая площадь Эстонии равняется приблизительно 39.870 квадратным верстам. Часть этой площади приходится на острова—Даго, Эзель, Моон, Нарген и др.

Граничит Эстония на западе с Латвией, на востоке—с Советской Россией, причем граница с Совроссией имеет протяжением около 190 верст. Морская граница (западная часть Финского залива) занимает протяжение около 860 вер. Морская граница играет значительную роль благодаря географическому положению Эстонии и удобству ее бухт.

Население Эстонии представляет весьма однородную массу: 89% составляют эсты; 5,1%—русские; 3,9%—немцы.

Эстония страна главным образом сельско-хозяйственная. 76,4% населения падает на сельское население, большинство которого составляют хуторяне. По данным эстонского Министерства Земледелия за 1920 г., там насчитывается—89.763 хутора. Главную массу городского населения составляют рабочие.

Государственное устройство Эстонии и ее внутреннее положение.

Согласно Конституции Эстонии, она является самостоятельной республикой. Высшая власть находится в руках парламента, утверждающего состав министров и т. н. „государственного старосту“ (президента). Государственное собрание избирается на основах пресловутой четыреххвостки

(всеобщего, прямого, равного, тайного голосования). Большинство в Государственном собрании имеют представители т. н. „Земельной лиги“ (крупные кулаки—хуторяне). „Всеобщее“ избирательное право оказалось „всеобщим“ лишь для буржуазии, рабочие же, дружно голосовавшие за коммунистов, получили, ввиду разных „демократических“ комбинаций, всего 5 мест.

Суд в „демократической“ республике организован, как заявляет один белогвардейский публицист в статье об Эстонии—„На основах и в духе Судебных уставов Александра II“. О демократическом же духе Александра II много распространяться не приходится.

В настоящий момент большинство правительства состоит из членов „Земельной Лиги“, к ней принадлежит и „Государственный староста“ Константин Пятс.

„Земельная Лига“ одной из главных задач ставит уничтожение своих политических противников слева, в первую очередь, конечно, коммунистов, завоевавших себе прочные симпатии среди пролетариата Эстонии. Белый террор, свирепствующий все эти годы в Эстонии, едва ли многим уступает „прославившемуся“ террору финских белогвардейцев. В период времени с 1918—1920 г., по далеко не полным данным, жертвой белого террора пало около 3.000 эстонских пролетариев.

Многие из лучших передовых эстонских рабочих и беднейших крестьян, спаслись лишь с помощью Советской России, путем обмена на них арестованных у нас эстонских контр-революционеров.

Война с Советской Россией.

Вооруженная борьба Эстонии с Советской Россией началась с момента ухода немцев из Прибалтики в ноябре 1918 г.

Слабая полу-партизанская Красная армия, надвигавшаяся вслед за уходящими немцами, находилась к началу декабря того же года в 35 километрах к востоку от Ревеля, занимая Нарву, Тарту, Верро, Везельберг и Тапс. Здесь же находилось, как мы видели выше, и Эстонское Советское правительство.

Эстонское Временное правительство и его Национальный Совет начали формировать армию, которую вскоре и двинули навстречу Красным войскам. Эстонцам оказывали значительную поддержку финские и шведские белогвардейцы, посылавшие им на подмогу вооруженные силы, а также и англичане, обильно снабжавшие их оружием, обмундированием и продовольствием и поддерживавшие их

огнем своего флота. К концу января еще слабая в тот момент Красная армия отступила к Ямбургу, очистив эстонскую территорию.

В ночь на новый 1919 год английский флот, под командованием адмирала Кована, появился в западной части Финского залива, на линии Гельсингфорс—Ревель и вступил в бой с эскадрою легких Красных судов. Английские суда, подавлявшие нашу эскадру и своим числом и вооружением, пустили ко дну один истребитель и взяли в плен два наших миноносца „Спартак" и „Австрия".

Появление английской эскадры и ее первые успехи вскружили головы не только эстонским шовинистам, но и многочисленным русским белогвардейцам, жадно смотревшим на далекий Петроград из-за Эстонского и Финского барьеров. Среди этой эмиграции были видные Петроградские банкиры, заводчики и фабриканты, генералы, офицеры всех чинов, представители всех партий „от монархистов до меньшевиков". Всех их об'единяла ненависть к Красной России и желание во что бы то ни стало нанести ей поражение.

Отдельные русские белогвардейские отряды уже существовали на эстонской территории, занимали отдельные участки фронта, и даже пользовались по договору с Эстонским правительством правами автономии (самостоятельности). А за спиной и русских и эстонских белогвардейцев стояла могучая Англия.

Однако среди русских белогвардейцев, засевших, главным образом, в Гельсингфорсе, во главе с министром Керенским, Карташевым и предполагаемым диктатором Красного Питера, Юденичем, не было единогласия.

Прежде, чем формировать армию и начать наступление, им нужно было обеспечить себе тыл, в лице Эстонии и Финляндии. Но финны настолько увлеклись террором против красных, что засадили по ошибке за решетку и несколько тысяч белогвардейских офицеров, что побудило белогвардейцев поспешно покинуть Гельсингфорс и перебраться в более гостеприимный Ревель. Однако, и эстонское правительство требовало предварительного признания своей самостоятельности со стороны „будущего правительства России", предлагая за это совместный поход на Петроград и всяческую поддержку. Это не нравилось русским белогвардейцам: им все еще мерещился старый Эстляндский губернатор в Ревеле, и на такое соглашение с Эстонским правительством они смотрели как на „расточение наследия предков". Этой точки зрения придерживались члены т. н. „Полити-

ческого совещания", во главе с Карташевым, сам же „диктатор" Юденич, как человек практический, вел уже переговоры с эстонцами, не боясь делать разного рода обещания и не сомневаясь в том, что он свободно сумеет их взять обратно, едва ступит на „берега Невы".

Однако, „большую политику" делал не он. „Политическое совещание" дало понять эстонцам, что оно склонно разговаривать лишь о „правомочиях органов самоуправления Эстляндской губернии". После этого, конечно, эстонцы сразу охладели к заманчивым перспективам „освобождения" России.

Учитывая, однако, благоприятно сложившиеся к тому времени условия для наступления на Петроград и подогреваемые Англией, белые организации всячески старались заполучить поддержку финнов и эстонцев. Сговориться с Финляндией им не удалось. Финляндия, признанная к тому времени Антантой, боялась потерять свою самостоятельность с воцарением Юденича в Петрограде. Поэтому она и вела выжидательную политику.

Эстонцы же хотели заполучить в свои руки документ о признании их „будущей" Россией, который они могли бы пред'явить Антанте, полагая, что если Эстония признана Россией, то не может быть препятствий к ее признанию и со стороны других держав. Вопрос о выдаче „бумажки" на самостоятельность Финляндии и Эстонии, в первую голову последней, был перенесен на разрешение верхов эмигрантской белогвардейщины в Париже. Стараниями буржуазного журналиста Кирдецова, игравшего при Юденичe роль уполномоченного по дипломатической части, было созвано в Париже совещание с участием эстонской делегации в Париже Пуста и представителем Эстонии в Лондоне проф. Пийпом (впоследствии подписавшим мирный договор с Советской Россией). С русской стороны участвовала в переговорах „левая" часть Политического совещания— Чайковский, Савинков и упомянутый выше Кирдецов. В результате этого совещания 2 августа 1919 г. образовавшимся в Эстонии Северо-западным правительством было подписано следующее заявление:

„Заявление эстонскому правительству и представителям Соед. Штатов, Франции и Великобритании в Ревеле.

В виду настоятельной необходимости образовать демократическое правительство для северо-западной области России, единственно с которым эстонское правительство согласно вести переговоры с целью способствовать русской действующей армии освободить Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губернии и учредить в Петрограде Учре-

дительное Собрание, которое либо подтвердит, либо изменит, как можно выразиться на юридическом языке, наши соответствующие назначения, как министров, каковые мы принуждены обстоятельствами, независящими от нашей воли, принять на себя,—мы нижеподписавшиеся сим заявляем, что правительство северо-западной области России сформировано как указано ниже. Как первый акт в интересах нашей страны, мы сим признаем абсолютную независимость Эстонии и просим представителей Соединенных Штатов Америки, Франции и Великобритании добиться от своих правительств признания абсолютной независимости Эстонии. Как наш второй акт, мы признаем генерала Юденича главнокомандующим северо-западной русской армии и просим его начать немедленно переговоры с главнокомандующим эстонской армией относительно военных деталей, обеспечивающих действительную помощь эстонских войск".

Вслед за этим было обнародовано еще одно обращение к правительствам Англии, Франции и Соединенных Штатов с призывом признать Эстонию. Поддержка эстонцев была куплена этим клочком бумажки несуществующего русского правительства.

А в это время дела на эстонском фронте складывались для белогвардейцев как нельзя лучше. Главные силы Красной армии были отвлечены на другие фронты, что дало возможность „Русскому Северному Корпусу" (так назывался тогда белый автономный корпус на эстонском фронте), под командой Родзянко (племянника б. председателя Государственной Думы), продвинуться вперед и занять последовательно Ямбург, Гдов и, наконец, при непосредственном содействии эстонских войск, и Псков. Эстонцы всячески содействовали наступлению корпуса, так как, с одной стороны, этим устранялась опасность близости линии Красных войск, с другой,—беспокойный во всех отношениях корпус покидал их территорию. Первое время эстонцы, совместно с англичанами, приславшими в Ревель специальные транспорты, поддерживали русских белогвардейцев оружием, обмундированием и продовольствием, обслуживая вместе с тем их тыловые пути сообщения (от Пскова к эстонской границе).

Северный Корпус развивает во всю „работу" в занятых им областях: руководители его—упомянутый уже нами Родзянко, полковник Дзерошинский и прославившийся вскоре Булак-Балахович — творят суд и расправу в завоеванном Пскове. Все столбы Пскова увешиваются телами казненных—за малейшее подозрение в большевизме. Рабочее население Пскова переживает кошмарные дни.

Началась неслыханная по своей жестокости эпопея расправы Балаховича с мирным населением Псковской губ. Уничтожались „без следа" целые деревни, убивались самыми изысканно-жестокими способами тысячи людей. В Пскове казни совершались публично, на базарной площади, в присутствии самого „командира". О Балаховиче сами белогвардейцы говорили следующее: „Там, где Балахович пройдет, трава больше расти не будет".

В августе под давлением могучего „кулака", собранного Красным Питером, Балахович был отброшен от Пскова, и Красные части были встречены на улицах старинного города, как избавители.

Эстонское правительство все время оказывало всяческое содействие Балаховичу и даже укрывало его от Юденича, после их ссоры и об'явления Балаховича в августе 1919 г. (еще до Петроградского похода) исключенным из северо-западной армии.

С августа в белогвардейском лагере шла усиленная подготовка к предстоящему наступлению. В начале сентября прибыли в Ревельский порт английские „подарки"— обмундирование, медикаменты и 6 танков, на которые Юденичем возлагались большие надежды. Он полагал запугать „красных" одним их видом. Вслед за тем прибыли из Англии и артиллерия, и снаряды, пулеметы и грузовики.

Эстонцы предоставили в полное распоряжение белых необходимый транспорт и склады на линии фронта у Нарвы. Делали это они, однако, не бескорыстно—с каждого приходившего транспорта они старались при помощи британской миссии урвать кое-что для своей армии. На этой почве между Северо-Западным правительством и эстонцами разыгрался ряд конфликтов из-за дележа „заграничных подарков", и в Эстонском Учредительном Собрании поднимался даже вопрос о недопустимости дальнейшего существования на Эстонской территории Северо-Западного правительства. Этот конфликт удалось уладить с трудом при помощи все тех же союзников.

В дальнейших трениях между Юденичем и эстонцами также не последнюю роль сыграли англичане, которые начали решительно поддерживать молодую республику. В Юденича и успех его похода они, повидимому, и тогда не особенно твердо верили; от эстонцев же они думали заполучить остров Эзель, из которого создать военно-морской опорный пункт против России. Поэтому они всячески поддерживали Эстонию в ее распрях с Юденичем. По их настоянию была подписана обоими сторонами конвенция.

Вместе с тем, однако, англичане на всякий случай продолжали заигрывать и с белогвардейцами, рассчитывая, повидимому, на их „благодарность“ после взятия Петрограда.

Белые эстонцы, как верные слуги английского капитала, всецело следовали английской политике.

С одной стороны Поска заверял одного из министров Северо-Западного правительства, Маргулиса, в том, что в случае наступления, эстонцы его поддержат. То же говорил Юденичу и военный министр Лайдонэр — это делалось в расчете на удачу петроградской авантюры и на грядущую благодарность за эти услуги.

С другой стороны, в результате радио Советского правительства, тот же Поска назначает в Пскове на 10 сентября начало переговоров — это на случай неудачи Юденича, в надежде на получение от Советской России разных „льготных условий“ для Эстонии, как первой страны, заключившей мир.

Когда белая армия Юденича после неудачного наступления на Петроград, бросая по дороге многочисленные английские „подарки“, отступила к Эстонской границе, эстонцы, которые учли уже поворот фортуны и ждали с нетерпением результатов мира с Советской Россией, разоружили и интернировали белогвардейцев.

Мир с Советской Россией.

Эстонцы действовали на два фронта: на одном они поддерживали Юденича, на другом начинали переговоры с Советской Россией. Ставка на Юденича была бита, и оставался мир с Советской Россией, давно уже предлагаемый нами Эстонии.

Однако, раньше чем решиться на этот шаг, эстонское правительство хотело знать, как отнесутся к нему союзники, поэтому оно и обратилось с специальным меморандумом от 16-го декабря 1919 г. к Верховному Совету. В этом меморандуме эстонцы жаловались, что до сих пор не признаны официально „ни союзными, ни дружественными правительствами“ и, что „даже“ начальники и все командование Северо-Западной Армии не раз заявляли о своем намерении уничтожить самостоятельность Эстонии при первой им представившейся возможности“, но, тем не менее, „руководствуясь сильным желанием союзных и дружественных правительств, Эстонское правительство взяло на себя продовольствование Северного Корпуса“.

Жалуясь далее на „деятельность“ армии Юденича, меморандум говорит: „К сожалению, нужно признать, что командиры русской армии скоро показали неспособность к поддержанию порядка и поднятию боеспособности их армий, сообразно обстоятельствам. Также они не сумели создать и поддержать в тылу армии твердый государственный порядок. *Недостаточно было терроризировать мирное население.* (Курсив мой А. Г.). Нужно было понять стремление народа, пережившего все волнения Революции. У командиров русской армии не доставало здравого смысла, чувства равновесия и хладнокровия, необходимых государственным людям. Несостоятельность северо-западной армии, как боеспособной силы, и неспособность ее командиров, как государственных организаторов, выяснилась с наибольшей очевидностью в момент окончательного крушения северо-западной армии после ее последних операций против Петрограда.

Правительство Эстонии, эстонский народ и армия, которая, для того, чтобы оказать помощь северо-западной армии, предприняла наступление против большевистской армии в районе Красной горки и на Псковском фронте, убедились, что никакая помощь,—ни танки, ни другой материал, щедро доставленный северо-западной армии союзными и дружественными державами, не могли придать ей боеспособности“.

Требуя далее признания со стороны союзников своей независимости, эстонский меморандум говорит: „Правительство Эстонии принуждено просить Верховный Совет не отказать сообщить ему—согласен ли он признать независимость и автономию Эстонии. Определенное решение этого вопроса со стороны Верховного Совета крайне необходимо правительству Эстонии в данный момент, чтобы определить свои отношения к Правительству Советской России. . . два месяца тому назад Советское правительство сделало эстонскому мирное предложение, открыто заявляя, что оно готово признать самостоятельность и автономию Эстонии и отказаться от всяческих наступательных действий против нее, принимая во внимание чрезвычайно тяжелое экономическое положение страны после более чем пятилетней войны, утомленность Национальной армии и страстное желание народа освободиться от тяжелого бремени постоянной войны. Правительство Эстонии не может отклонить это мирное предложение, не дав повода к предположению, что оно совершенно безразлично к окончанию войны“. В заключение эстонцы спрашивают *советов* своих „повелителей“ из Парижа и Лондона. Настолько сильна была воля эстонского народа к миру с Советской Россией, что с этой волей вынуждено было считаться и эстонское правительство.

Получили ли эстонцы „совет“ или нет, мы пока не знаем; однако, после упомянутой выше встречи наших представителей с эстонцами в Пскове (17—18 сентября), кончившейся из-за нерешительности эстонцев ничем, 5 декабря в Юрьеве созывается, наконец, русско-эстонская мирная конференция. 31 декабря нами заключается перемирие с эстонцами и об'являются границы обоих государств. В течение всего января наши делегаты, т.т. Иоффе и Гуковский, договаривались с эстонцами об экономических условиях мира.

Наша делегация, правильно оценивая мир с эстонцами, как первую брешь в той стене, которою западные империалисты нас окружили, шла на всякие уступки вплоть до выплаты Эстонии, как первой стране, подписавшей с нами договор, 15 миллионов рублей золотом и отдачи концессии на 50 тысяч десятин леса.

Наконец 2 февраля 1920 г. мирный договор был подписан и первое „окно в Европу“ нами пробито.

Этим договором Советская Россия, с одной стороны, показывала западно-европейским купцам, падким до наживы, что с нею можно не безвыгодно торговать и что ничего страшного в этой торговле нет; с другой стороны, через это окно Советская Россия начала черпать те товары, машины и изделия, по которым так изголодалась измученная долгими войнами страна.

Сразу после подписания мирного договора через Эстонию начали прибывать значительные партии товаров для Советской России, закупаемые через наше торговое представительство в Эстонии. Вскоре в бюджете Эстонии транзит (перевозки) товаров в Россию занял первое место, значительно улучшив финансовое положение страны. Долгое время, вплоть до подписания мирного договора с Латвией и другими странами, вся наша торговля шла через Эстонию, которая наживала на этом значительные суммы. Это заставляло эстонцев все время поддерживать с нами хорошие отношения, не прерывая их разными эксцессами, как это имело место в Латвии (о чем речь идет впереди). Нами был подписан с Эстонией ряд соглашений, в том числе о прямом железнодорожном сообщении, о почтово-телеграфных сношениях; об обмене заложников (эстонцев, сидевших у нас по разным делам, на наших товарищей коммунистов, томившихся в эстонских тюрьмах).

Только в последнее время отношения между Р. С. Ф. С. Р. и Эстонией несколько вышли из обычного равновесия из за обнаружения спекулятивной деятельности членов эстонской миссии в России, организованно закупавших, с ведома

и поощрения эстонского министерства финансов, в России золото и драгоценности для отправки их в Эстонию. Эти преступления эстонских агентов против российских законов послужили поводом для ноты НКИД эстонскому правительству, от 31 января 1921 г.

В общем же, эстонское правительство, дорожа барышами, получаемыми от российского транзита, старалось все время соблюдать условия договора с РСФСР.

Экономическое положение страны.

Эстония страна земледельческая; земледелием занимаются около 80% всего населения. Земледельческая культура страны стоит очень высоко, поля хорошо удобряются и обрабатываются. Однако, несмотря на это, своего хлеба Эстонии далеко не хватает, она обеспечена им всего лишь на 44%. Значительное количество хлеба ввозится из-за границы. Так, в 1920 г. было привезено около 500.000 пудов муки.

Значительную роль в сельском хозяйстве играет скотоводство, хотя в последние годы количество скота значительно уменьшилось; молочные продукты Эстонии (молоко, масло, сыр) считаются одними из лучших по своей доброкачественности в Европе. Однако, эстонское правительство, из-за сокращения молочного скота и недостатка молочных продуктов для местного населения, принуждено было недавно запретить вывоз молочных продуктов за границу. Значительную роль играет и рыболовство. Особенно велик улов килек, которые консервируются и служат одним из главных продуктов эстонского экспорта (вывоза).

Промышленность Эстонии (главным образом текстильная) питается исключительно привозным сырьем. Некоторые из текстильных предприятий, как например, фабрики Штиглица и Кренгольмская мануфактура в Нарве, играли большую роль в ряде производств этого рода старой России. В настоящее же время работа этих заводов сильно сокращена из-за невозможности конкурировать с германскими товарами, и значительная часть рабочих выброшена на улицу. Из других крупных заводов самый большой—Русско-Балтийский судостроительный в Ревеле. В настоящий момент эстонское правительство ведет переговоры о сдаче концессий на ряд заводов; некоторые уже сданы разным иностранным компаниям.

С начала империалистической войны 1914 г. царское правительство создало в Эстонии ряд заводов для обслуживания военной промышленности, главным образом, судо-

строительных верфей с механическими заводами („Русско-Балтийский", „Ноблеснера" и „Беккер и К°"); но и они в настоящий момент не работают, так как почти все машины и оборудование были эвакуированы в начале 1917 года в Россию. Во время войны с РСФСР в Эстонии работали лишь небольшие приспособленные к военной промышленности заводы.

Транзитная торговля. Одной из главных статей дохода Эстонской республики является транзитная торговля, т. е. та торговля, которую ведет наша Советская республика с странами Запада (Англией, Германией), пользуясь Ревельским портом для разгрузки своих товаров и эстонскими железными дорогами для ввоза их в Россию; таким образом Эстония служит как бы корридором между Советской Россией и государствами Запада и на этом не мало наживает, взимая за провозимое, кроме уплаты за перевозки по железным дорогам, также и таможенные пошлины.

До заключения мира с Латвией и открытия Питерского порта, вся наша внешняя торговля шла через Ревель и служила одной из крупных, почти единственной статьей, дохода молодой республики.

В цифрах наш транзит через Эстонию выражается следующим образом: в течение 1920 года через Эстонию проследовало около 2.700.000 пудов транзитных товаров; в 1921 г. из Эстонии в Россию отправлялось в день до 200 вагонов, причем *ежедневно* на этом Эстония зарабатывала около 1.000.000 эстонских марок; за 6 месяцев 1921 г. провезено через Эстонию—4.396.981 пудов разных товаров.

Рабочий вопрос.

На этой оживленной торговле наживает деньги народившаяся эстонская буржуазия и целый класс спекулянтов всех калибров. В гору пошла и мелкая буржуазия из среды зажиточных хуторян-кулаков, т.-н. „серых баронов".

Зато положение рабочего класса невероятно тяжелое. Большинство заводов закрылось, и число промышленного пролетариата сократилось с 40.000 человек (военное время) до 15.000 человек. Нарва, имевшая несколько крупных заводов (Штиглиц и др.), в настоящий момент переполнена безработными, а фабриканты, сокращая свое производство, расчитывают в первую очередь нежелательный им элемент, т.-е. передовых, сознательных рабочих.

Эстонское правительство, защищающее исключительно интересы буржуазии, не только не принимает мер к облег-

чению положения безработных, но делает все возможное, чтобы возложить еще большую тяжесть на плечи беднейшего населения: так, в 1921 г. налог на предметы широкого потребления был увеличен в 32 раза против налога 1920 г., в то время, как налог на промышленные предприятия и доходы с капиталов, ложащийся непосредственно на буржуазию, повышен всего в 4 раза.

Наряду с этим, правительство сделало все возможное для окончательного удушения рабочих организаций. Рабочие, однако, сплотились вокруг своих профессиональных (частью нелегальных) организаций и ведут упорную борьбу, теряя в ней своих лучших представителей, наполняющих тюрьмы и лагери. Рабочая пресса окончательно задушена.

Не лучше и положение сельского пролетариата (безземельных крестьян и батраков). Эстонское правительство, несмотря на обещание аграрной реформы, не дало до сих пор крестьянам никаких земельных наделов и, создавая при волостных управлениях специальные комитеты помощи безземельным и безработным крестьянам, сделало из них исключительно органы найма дешевой рабочей силы для помещиков.

Коммунистическое движение.

Как мы говорили в первой главе нашей книги, ответом на геройскую борьбу эстонских пролетариев в 1918—1919 г.г. был страшный террор белогвардейцев после падения Советской власти в Эстонии. Террор, однако, не разбил кипучей революционной энергии эстонских рабочих, а еще теснее сплотил их вокруг боевого ядра—коммунистической партии. Работа коммунистической партии, загнанной в подполье и постоянно преследуемой, была тяжела; однако горячее сочувствие и помощь всего рабочего класса Эстонии придавало ей бодрость в работе.

Основным элементом коммунистической партии, как и всюду, является рабочий класс, немногочисленный по своему составу, но сильный духом, окрепший в суровых условиях борьбы; однако, ныне, вследствие „мудро“ проведенной правительственной земельной реформы, давшей вновь все земли в руки помещиков, к коммунистической партии примыкает и многочисленный класс безземельных крестьян, инстинктивно почувствовавших в ней свою единственную защиту.

Коммунистическая партия очень удачно провела ряд политических и экономических забастовок и добилась восьмичасового рабочего дня. При всех выборах в проф-

союзы, городские думы (муниципалитеты) рабочий класс неизменно посылал коммунистов. Буржуазное правительство, желая избавиться от „беспокойного“ элемента, высылает часто арестованных коммунистов в Советскую Россию, радушно встречающую смелых борцов маленького народа.

Аграрная политика. В 1919 г. эстонское учредительное собрание, в целях предотвращения надвигавшейся пролетарской революции, придумало средство ублажить безземельное крестьянство и вместе с тем и помещиков не обидеть. Оно об'явило, что земли крупных землевладельцев будут разделены между безземельными крестьянами; на самом же деле устроило продажу с аукциона земельных участков, которые, конечно, попали опять в руки помещиков и кулаков-хуторян. Благодаря такой „щедрой“ политике эстонского правительства, класс батраков все увеличивается; так, недобор продналога на хлеб выразился в 1921 г. почти в 70%, а на мясо в 60%.

Народное образование.

Культурный центр Эстонии — Юрьев, старинный город со старым, сохранившимся до сих пор университетом. Царское правительство при наступлении немцев эвакуировало в Петербург все университетское имущество (лаборатории и библиотеки), помещенные в здании Петербургского университета. Согласно договора между РСФСР и Эстонией, все это имущество возвращено в Юрьев, что дало возможность открыть вновь университет. Остро ощущается недостаток профессоров. Средние школы делятся на эстонские, немецкие и русские. В течение последних двух лет состоялось несколько с'ездов учителей (отдельно русских и эстонских).

Национальные меньшинства.

Из национальных меньшинств, проживающих на территории Эстонии, наиболее значительными являются немцы, шведы и русские. Из этих национальностей некоторым преследованиям подвергаются немцы, т. к. эстонское правительство склонно видеть в них носителей культуры, поддерживавших в крае немецкую оккупацию и готовых и теперь „в случае чего“ быть полезными своим сородичам.

Наиболее же интересную национальную группу представляют собой русские (не беженцы-белогвардейцы—о них скажем далее), а русские крестьяне из четырех уездов

Псковской губернии, отошедших к Эстонии по договору с Россией. Всего их насчитывается около 60.000 человек. Они отличаются значительной культурной отсталостью и религиозными предрассудками, что дало им кличку „полуверцы“ (считаясь православными, они сохранили также и целый ряд языческих обрядов). Говорят они на смешанном, мало понятном наречии, что дало возможность некоторым ученым и исследователям края полагать, что „полуверцы“—обрусевшие эстонцы.

„Полуверцы“ сохранили своеобразный старинный уклад жизни, одежды и украшения. Занимаются земледелием и в значительной части рыболовством (на Псковском озере). Волости, расположенные у Псковского озера, постоянно нуждаются в привозном хлебе и вообще постоянно и тесно связаны экономически с соседними волостями России, отрезанными границей, что рождает ряд конфликтов местного населения с эстонской властью

Армия.

Мысль о создании самостоятельных эстонских национальных частей возникла в умах эстонской буржуазной интеллигенции еще в годы мировой войны; однако, царское правительство не шло им в этом отношении навстречу. Реально же стал вопрос об организации эстонских национальных частей после февральской революции 1917 г., когда военный министр Временного правительства Гучков разрешил приступить к формированию таких частей.

За организацию этих частей принялась эстонская буржуазия, чувствовавшая грозное приближение рабочей революции и думавшая создать из этих частей преданную себе белую гвардию. Формирование частей производилось офицерами-эстонцами русской службы.

Скоро в эстонские части стали стекаться откомандированные из разных частей солдаты-эстонцы, которых брали в соответствующую обработку разные буржуазные общества, старавшиеся развить в них „патриотический дух“ и посеять всячески большую неприязнь к русским.

Образовавшийся в Ревеле Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, видя эти усилия буржуазии, постановил в апреле 1917 г. отменить формирование эстонских частей. Однако, буржуазия, с'организовавшая специальное „бюро военных“, добилась разрешения от Керенского на формирование одного полка. Полк этот был сформирован в Везенберге, под командой полковника русской службы, заядлого белогвардейца

Тынисона. Этот полк впоследствии находился на германском фронте и часть его попала в плен к немцам на острове Эзеле.

В течение трех месяцев были созданы еще два полка. Комплектовались они, главным образом, из сынков крупных кулаков, помещиков и купцов. Рабочие же всячески избегали вступать в полки под сень национальных знамен.

Когда Эстония была занята немцами в апреле 1918 г., все эти три полка были распущены и разоружены. Многие офицеры перекочевали в Архангельск, к генералу Миллеру, чтобы бороться уже под бело-сине-красным флагом.

После германской революции и ухода немецких войск, эстонские националисты, готовясь к созданию „демократической" Эстонии, вновь взялись за воинские формирования, теперь уже под именем „Национальной армии". Путем принудительной мобилизации была создана опять белая классовая армия под командованием генерала Лайдонера.

Дальнейшее развитие эстонской армии мы проследили в связи с походом Юденича и общим строительством Эстонской республики. Самым решительным моментом в деле создания Эстонской армии был момент наступления Красной армии на Ревель в ноябре 1918 г.; эстонская армия тогда состояла всего из 70 тысяч человек, и правительству пришлось прибегнуть к помощи финских и шведских белогвардейцев. Как мы уже знаем, разрывавшаяся на десятках фронтов Красная армия должна была отступить.

После заключения мира с Советской Россией начался период мирного строительства армии. Было основано военное училище и ряд технических курсов. По своей структуре и духу эстонская армия ничем не отличается от прочих буржуазных армий с погонами, офицерскими традициями и палочной муштрой солдат.

Флот эстонский состоит всего из нескольких вооруженных мелких судов.

Военным министром Эстонии в настоящий момент состоит генерал Соотс.

Русские белогвардейцы в Эстонии.

Заканчивая наш краткий обзор Эстонии, не можем не сказать несколько слов о русской белогвардейской эмиграции, нашедшей себе приют в Эстонии. Большинство эмиграции (около 10.000 человек) составляют остатки Юденической армии, перешедшие после неудачи Питерской авантюры эстонскую границу. Из них, в целях сохранения белогвар-

дейских кадров, созданы были лесозаготовительные артели под командой офицеров. Вместе с остатками Северо-Западной армии прибыло много и гражданских белогвардейцев из числа пробравшихся к Юденичу питерских купцов, фабрикантов и белогвардейски настроенных интеллигентов. Значительная часть беженцев (наиболее активных) перебралась в свое время в Польшу в Савинковские отряды. Главенствующей партией в эмигрантской среде являются монархисты, имеющие свои организации, поддерживаемые многими высшими чинами эстонской армии, в том числе и упоминавшимся выше командиром 1-го Эстонского полка ген. Тыннисоном.

В Ревеле выходят две русских газеты, причем одна, более левого направления (редактор ее Вадим Белов), примыкает ныне к группе „Смена Вех". Гражданских эмигрантов зарегистрировано в настоящее время в Эстонии—3.577 человек.

ГЛАВА V.

ЛАТВИЯ.

Территория и население.

Латвия находится на юго-восточном берегу Балтийского моря и занимает пространство в 65.000 кв. километров.

Современное Латвийское государство состоит из бывшей Курляндской губернии; Рижского, Валкского, Венденского и Вольмарского уездов Лифляндской губернии; Люцинского, Режицкого и Двинского уездов Витебской губернии и всей т. н. Латгалии.

Латвия—морская страна. Ее морская граница, тянущаяся вдоль Балтийского моря и Рижского залива, составляет 519 километров. Значение моря в развитии страны, как мы укажем ниже, чрезвычайно велико.

До войны численность жителей в Латвии равнялась 2.500.000 человек. Во время войны численность населения сильно понизилась (до 1.500.000). В настоящий же момент достигает вновь 1.800.000 человек.

Главное население Латвии (70%)—латыши, населяющие эту территорию уже с незапамятных времен и в 1201 году основавшие у устья Двины город Ригу. Точное происхождение латышей, а равным образом и их своеобразного языка, еще исследователями не выяснено. Во всяком случае, латыши—не славяне и ближе всего к народам Индо-Европейской расы

(Западные народы). Из других национальностей самые значительные: русские—10% населения; немцы—7% и евреи—6%.

Граничит Латвия (по сухопутной границе) с Советской Россией (протяжение границы 269 верст), с Эстонией (347 в.), с Польшей (93 в.) и с Литвой (487 в.).

Таким образом положение Латвии, имеющей, кроме указанных сухопутных границ, еще и морскую границу с рядом удобных портов, чрезвычайно выгодно для развития торговли с соседними странами и, главным образом, для транзитной торговли.

По своему классовому составу 79,5% населения Латвии—крестьяне, из которых значительная часть безземельные батраки. Рабочих до войны насчитывалось около 94.000 человек. Во время войны количество их сильно сократилось и достигало к 1920 г. 21.213 человек, что составляет 1,4% населения.

Таким образом громадное большинство населения Латвии крестьяне, к тому же беднейшие. Это, как мы видели раньше, говоря о революционном движении в Латвии, сыграло в ее истории значительную роль.

Современное Латвийское Государство.

В первой главе нашей книги мы проследили уже события, сопровождавшие образование Латвийской республики; теперь скажем несколько слов об ее конструировании.

В апреле 1920 г. состоялись выборы в Латвийское Учредительное Собрание. Большинство получили социал-демократы (правые меньшевики)—57 мест и т. н. „Крестьянский союз“ (хуторяне-кулаки)—41 место. Как и во всех „демократических“ странах, рабочий класс и беднейшее крестьянство, составляющие большинство населения, получили лишь несколько мест.

Учредительным Собранием была выработана конституция страны и провозглашена Демократическая Республика.

Социал-демократы, однако, несмотря на свое преобладание в Учредительном Собрании, не играют заметной роли в деле управления страной. Во всех до сих пор бывших правительствах преобладающими были несоциалистические, буржуазные группы. Значительную роль, как мы указывали выше, играет партия крестьян-собственников, а в последнее время и „Крестьянско-национальный союз“, руководимый духовенством. В июле 1921 г. (кризис кабинета Ульманиса) окончательно восторжествовали правые группы. Вновь образованное правительство, во главе с бывшим министром иностранных дел Латвии Мееровицем,—весьма правое.

Ясно, что правый состав правительства и тон, задаваемый ему кулаческим собственническо-хуторским крестьянством, сказывается и во всей его деятельности и в первую очередь в аграрном вопросе, в разрешении которого заинтересовано все безземельное крестьянство Латвии. До сих пор, несмотря на пышные „демократические" декларации правительства, вопрос этот все еще не разрешен, и положение безземельного крестьянства, в связи с общим экономическим кризисом, невероятно тяжелое. Латвийская буржуазная пресса все еще продолжает обсуждать вопрос о том, как и сколько следует платить за землю ее бывшим владельцам. Дальше этих забот о помещиках дело не идет.

Лучшим же показателем „демократизма" латвийского правительства являются страшные преследования коммунистов, ставящие коммунистическую партию Латвии в значительно худшие условия, чем те, в которых находятся коммунистические партии хотя бы Англии и Франции.

В Латвии все время свирепствует белый террор. Орудует военно-полевой суд, расстреливающий сотни наших передовых товарищей-латышей. Летом прошлого 1921 г. были расстреляны военно-полевым судом несколько старых испытанных членов Латвийского Ц. К. В июне 27 коммунистов было без всякого предупреждения выслано в Советскую Россию, при чем два из них были по дороге расстреляны якобы за побег.

Неистовства латышских белогвардейцев, достойных преемников помещичьих сынков, подавлявших в 1905 г. крестьянские восстания, продолжаются, то стихая на несколько месяцев, то опять развиваясь до невероятных размеров.

Еще в феврале 1922 г. в Латвийское Учредительное Собрание социал-демократами был внесен запрос министру-президенту об истязаниях арестованных рабочих, запрещении рабочих собраний и притеснении рабочей печати. Запрос приводит ряд фактов ужасных избиений политической охранкой арестованных. Но буржуазным большинством Учредительного Собрания запрос, понятно, отклоняется.

Рабочие умирают от тяжкой безработицы и дороговизны, в то время, как спекулянты всех рангов позволяют себе невероятные излишества, наполняя сотни рижских кабарэ и дорогих баров и отдыхая на чудных курортах на рижском взморье.

Такого резкого различия между невероятной нищетой рабочих кварталов и разбогатевшими на народных бедствиях спекулянтами, пожалуй, трудно найти в другой буржуазно-„демократической" стране.

В заключение, как на еще один пример латвийского „демократизма" укажем на запрещение Министром Внутренних Дел продажи на территории Латвии сборника и журналов „Смена Вех" (орган российской буржуазной эмиграции, занявший примирительную позицию по отношению к Советской России), выходящих за границей Р. С. Ф. С. Р. Таким образом, латвийские белогвардейцы перещеголяли даже своих парижских хозяев и достигли поистине Геркулесовых столпов в своем рвении запрещать все сколько-нибудь правдивое и честное по отношению к Советской России.

Мир с Советской Россией.

После Эстонии, к миру с Советской Россией потянулись и остальные окраинные государства, увидавшие на примере Эстонии, что сношения с Россией вещь весьма прибыльная. Второй заключила мир Литва и третьей (11 августа 1920 г.)— Латвия.

Мирные переговоры между Советской Россией и Латвией начались еще в мае 1920 г. и тянулись все лето. Продолжительные разногласия вызвал вопрос о границах обоих государств, так как латыши настаивали на отдаче им еще нескольких уездов Витебской губернии (Островского, Себежского, Опочецкого и Дриссенского). Особенно много прений возбудил вопрос о судьбе Дриссенского уезда, граничащего с Польшей; лишь после обоюдных уступок граница между обоими государствами была, наконец, определена.

Российское Советское Правительство обязалось эвакуировать в Латвию все имущество, вывезенное царским и временным правительствами (музеи, университеты, заводы); освободить из тюрем и возвратить на родину всех заключенных латышей и закончить к определенному сроку реэвакуацию беженцев из Латвии. В экономической области Латвии было предоставлено право рубки леса на площади в 100.000 десятин у латвийской границы. Это последнее было чрезвычайно важно для Латвии, страдающей от недостатка своего топлива; кроме того, российское правительство обязалось выплатить Латвии 4 миллиона рублей золотом. Мирный договор был подписан в Риге, 11 августа 1920 г. с нашей стороны т.т. Иоффе и Ганецким, а со стороны Латвии делегацией из пяти лиц во главе с И. Весманом (назначенным впоследствии послом в Россию). Мирный договор был ратифицирован (утвержден) 9 сентября 1920 г. Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и вступил в законную силу.

Дальнейшие взаимоотношения с РСФСР.

В дальнейшем наши взаимоотношения с Латвией протекали менее ровно, чем с Эстонией и Литвой. Это об'ясняется значительным давлением на Латвию со стороны Франции, в то время, как Эстония находилась, как мы выше говорили, в зоне английского (более примирительного) влияния.

На наших взаимоотношениях с Латвией ярко отразились различные моменты борьбы нашей Красной Армии с бесчисленными врагами; так, во время самой усиленной борьбы нашей с Врангелем, наш представитель в Латвии тов. Ганецкий вынужден был решительным образом протестовать против вербовки на территории Латвии солдат для Врангеля, отправки из Риги 200 русских офицеров в Крым и формирований банд Савинкова на территории Латвии. Этот вопрос обсуждался в Латвийском Учредительном Собрании, и латвийское правительство известило Наркоминдел, что им приняты срочные меры к уничтожению врангелевских вербовочных бюро. Однако, и после этого латвийская левая пресса („Социал-Демократ") продолжала разоблачать деятельность белогвардейских вербовочных организаций в Латвии. В ноябре были высланы из Латвии два врангелевских агента, Лепешко и Гауш. Эти индиденты были ликвидированы в связи с бесславным концом Врангеля. Однако, и позднее имели место то более крупные, то более мелкие трения в наших взаимоотношениях; так, в самый разгар Кронштадтских событий вся белогвардейская печать питалась лживыми телеграммами, передававшимися официальными латвийскими бюро печати при латвийской миссии в Москве, по официальному проводу. Это вызвало, конечно, самый резкий протест советского правительства, категорически потребовавшего немедленного отозвания из Москвы латвийского посла Весмана. Это требование было латвийским правительством удовлетворено, и новым представителем в Москве назначен Фельдман.

Работа по проведению в жизнь условий мирного договора, между тем, продолжалась: усиленным темпом шел обмен военнопленных, был установлен порядок почтово-телеграфных сношений; 26 февраля была подписана в Риге железнодорожная конвенция, а еще ранее, в начале ноября, открылось прямое железнодорожное сообщение между Ригой и Москвой.

В дальнейший период—весной 1921 г.—наши отношения с Латвией, под давлением Антанты, где опять восторжествовали интервенционистские стремления, вновь ухудши-

лись. Ближайшим поводом для этого послужила начавшаяся в Латвии 11 апреля забастовка транспортных рабочих. Российское представительство было чрезвычайно заинтересовано в скорейшей ликвидации забастовки, так как имело срочную необходимость в немедленной отправке в Россию семян для посева. Поэтому оно постаралось через латвийское правительство воздействовать на предпринимателей в смысле уступок рабочим. Однако, в этот момент произошла смена правительства, и отношение к нам ухудшилось. Латвийское правительство обвинило наших сотрудников в агитации среди рабочих в пользу забастовки. В Риге арестовали работающего на нашу миссию экспедитора Минскера, обвинив его в коммунистической агитации. Это было, конечно, полнейшим абсурдом, так как Минскер является содержателем крупной экспедиционной конторы в Риге и ничего общего с коммунизмом не имеет. Через несколько дней арестовали в Либаве несколько сотрудников нашего консульства. В ответ на это тов. Ганецкий решил бить по самому больному для латышей месту—по транзиту: он распорядился отправить ряд пароходов, шедших уже в Ригу, на Ревель. Тов. Ломов, прибывший в Ригу для крупных заказов, выехал обратно в Россию. Через несколько дней был задержан в банке кассир нашей миссии. В результате длительной дипломатической переписки было опубликовано официальное сообщение латвийского правительства, в котором сообщалось, что сведения об агитации нашего представительства в пользу забастовки ни на чем не основаны, и что либавский комиссар Штрандман, виновный в аресте сотрудников нашей миссии, отстранен от должности. На этом очередной инцидент был исчерпан.

После этого последовала высылка в Россию 97 коммунистов, о которой мы упоминали уже выше; а в августе, после конференции Прибалтийских государств, состоявшейся в Гельсингфорсе, Латвия заявила ряд протестов против мнимого неисполнения Советским правительством условий мирного договора.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть заинтересованность Латвии в российском транзите. Это как нельзя лучше проявилось в момент отхода пароходов с нашими грузами на Ревель, что заставило латвийское правительство немедленно пойти на уступки. При этом оно старалось всеми средствами доказать нам всю выгодность направления наших товаров именно через Ригу, а не через другой порт. Эта зависимость (о материальных доходах Латвии от транзита мы скажем подробнее после) и заставила латвийское

правительство более или менее соблюдать условия договора и даже подписать в Риге, совместно с другими Прибалтийскими государствами, обращение к Генуэзской конференции о необходимости признания Советской России.

Экономическое положение.

1. Фабрично-заводская промышленность. В довоенное время в Латвии работало около 780 фабрик с общим количеством рабочих в 94.000 человек. Война и эвакуация фабрик и заводов сначала царским правительством в глубь России, затем еще немцами в Германию, свели на-нет всю латвийскую промышленность и обрекли весь рабочий класс Латвии на безработицу и голод. Восстановлению промышленности препятствует, главным образом, отсутствие в Латвии крупного капитала и боязнь западных капиталистов вкладывать свои деньги в латвийские неустойчивые предприятия. В настоящий момент в Латвии работают всего несколько крупных заводов (обслуживающих, главным образом, нужды армии и много мелких кустарных мастерских). Общее количество рабочих, занятых на предприятиях Латвии, равняется 21.230 человек (по данным 1920 г.).

Кустарная промышленность удовлетворяет, главным образом, насущные потребности латвийского крестьянства, вырабатывая земледельческие орудия, прялки, глиняную посуду и т. п.

2. Земледелие. Латвия,—страна по преимуществу земледельческая. Еще до войны земледелием занималось больше половины населения Латвии, теперь же, при упадке промышленности, когда значительная часть фабрично-заводского пролетариата хлынула в деревню, процент занятых земледелием повысился до 79,5% (по данным 1920 г.).

По роду земли в Латвии преобладают луговые и пастбищные земли, что определяет общий характер сельского хозяйства.

Пахотной земли в Латвии всего 28% всей поверхности. 48,12% удобной земли принадлежит помещикам и крупным землевладельцам. На долю же крестьян остается весьма незначительное количество земли. (В Лифляндии всего немногим больше десятины на человека).

Своего хлеба Латвии не хватает. Ежегодно она нуждается в ввозе 5—6 миллионов пудов хлеба.

3. Скотоводство играет в хозяйственной жизни Латвии значительную роль, так как там, как мы видели, значительное пространство занимают луга. До войны скотовод-

ство Латвии находилось в цветущем состоянии: на каждые 100 человек сельского населения приходилось 122 головы рогатого скота. Благодаря этому, население Латвии было обеспечено не только мясом и молочными продуктами, но и вывозило значительные количества, главным образом, масла, за-границу, где латвийские молочные продукты пользовались широкой популярностью. В 1914 г. „Рижское центральное сельскохозяйственно об-во" вывезло за-границу 1.218.639 фунтов масла.

Война, конечно, отразилась на скотоводстве Латвии самым пагубным образом. Общее количество скота уменьшилось к 1919 г. на 800.000 голов. В последние два года, однако, скотоводство опять подымается, хотя далеко еще не достигло довоенных размеров.

4. Внешняя торговля. При почти полном отсутствии промышленности и падении сельского хозяйства, первенствующую роль в экономической жизни Латвии играет ее внешняя торговля, или, вернее, внешняя торговля России, идущая в значительной своей части через удобные латвийские порты. Еще до войны латвийские порты (главным образом, Либава) играли значительную роль во внешней торговле России; так, в 1912 г. через латвийские гавани прошло более 30% всех товаров, ввезенных в Россию за этот год. В настоящий момент вновь значительная часть нашего транспорта идет через Латвию. Через нее же идут все грузы „Американской администрации помощи" („Ара"). На всем этом Латвия зарабатывает значительные деньги.

Из товаров, ввозимых в самую Латвию, первое место занимают продовольственные грузы. В 1920 г. было ввезено 5.259.524 пуда разного продовольствия. Весь ввоз в Латвию за 1921 г. выразился в сумме 2.061.131.266 латв. рублей. Вывозится из Латвии, главным образом, лен. За 1921 г. его вывезено на сумму в 679.785.838 латвийских рублей.

Из портов, как указывалось выше, самый оживленный Либава: в течение 1920 г. прибыло 805 судов с грузом в 233.232 тонн, вышло 771 судно с грузом в 221.805 тонн.

На втором месте стоит Рижский порт, принявший в 1920 г. 751 судно и выпустивший 715 судов.

В последнее время транзит через Латвию в Советскую Россию еще увеличился; так: с 1-го по 29 января 1922 г. через Ригу в Россию отправлено 1120 вагонов разных товаров, весом в 1.067.552 пуда; в том числе для „Ара" 641 вагон и для миссии Нансена (работающей также на Поволжьи)— 154 вагона; остальное падает на долю Внешторга и разных мелких организаций, работающих по помощи голодающим.

Ныне для усиления транзита латвийское правительство принимает срочные меры к углублению гаваней и к усовершенствованию портов (создание под'емных кранов и проч. по последним европейским образцам).

5. Финансовое положение Латвии чрезвычайно тяжелое. Доходы правительства не могут покрыть его расходов; так, в 1921 г. расходы государства превысили его доходы на 6½ миллиардов латвийских рублей. Для пополнения казны латвийское правительство вводит все новые и новые налоги, которые ложатся всецело на рабочих и крестьян, так как буржуазное латвийское правительство облагает налогами предметы первой необходимости и продовольствия. Однако, и эти все растущие налоги не могут поправить финансовое положение Латвии. Правительство вынуждено либо все вновь и вновь выпускать бумажные деньги, чем обесценивается латвийский рубль, либо заключать иностранные займы, чем окончательно закабалить себя иностранному капиталу. При невероятном росте цен, искусственно поднимаемых государством путем налогов, создается совершенно невыносимое положение для служащих и рабочих, заработок которых не может угнаться за растущей дороговизной.

Национальный вопрос.

К национальным меньшинствам в Латвии следует отнести немцев, составляющих 7% всего населения, и евреев, составляющих 6%. Отношение правительства к немцам, из-за давней вражды между латышами и германскими баронами, державшими долгое время весь край в своих руках, недоброжелательное, хотя сами бароны давно уже удрали в Германию и теперешнее немецкое население Латвии ничего общего с ними не имеет. Положение евреев в Латвии еще значительно хуже из-за страшного антисемитизма, с давних пор царящего в крае. Евреи ограничены во многих правах. Их под разными предлогами не принимают на государственную службу. Беженцам-евреям латвийское правительство чинит всяческие препятствия к возвращению на родину. На границе из беженских эшелонов, возвращавшихся из России, латвийские власти неоднократно высаживали евреев и отправляли их обратно. Советское правительство вынуждено было заявить по этому поводу свой протест.

Притеснения еврейского населения заставили в январе 1922 г. латвийские еврейские организации обратиться в „Лигу Наций“ с специальным меморандумом, в котором

они требовали вмешательства „Лиги Наций“, с целью установления правовых норм для еврейского населения в Латвии. О результатах этого меморандума пока ничего неизвестно, да и вообще говоря, можно ли от этого ожидать каких нибудь положительных результатов.

Армия.

Отдельные латышские стрелковые полки были созданы еще во время империалистической войны царским правительством. Всего на русской службе числилось 182.000 латышей. Однако, к моменту образования самостоятельной буржуазной республики в Латвии (18 ноября 1918 г.) значительная часть этих частей уже перешла в ряды Красной армии, где латышские части с честью защищали пролетарское дело на всех фронтах Республики. Остальные латышские части перешли на нашу сторону в момент занятия Красными войсками Риги (3-го января 1919 г.).

С латвийским правительством отступили к Либаве всего 3 роты добровольцев—офицеров и студентов. Здесь латвийское правительство спешно начало формировать армию, которая в феврале 1919 г. остановила наступление наших войск на реке Виндаве.

Кроме того, формировались латышские части и в Эстонии, где при материальной поддержке эстонского правительства удалось создать два полка (Венденский и Вольмарский).

Латвийская армия при поддержке союзников 22 мая 1919 г. снова заняла Ригу. С 15-го июня 1919 г. латвийская армия приняла вид регулярной армии. Главкомом ее был назначен бывший полковник царской армии Баллод, произведенный в генералы.

Командный состав латвийской армии состоит, главным образом, из офицеров царской армии; для подготовки нового офицерского кадра создана в Риге военная школа.

Значительное внимание уделено в Латвии и допризывной подготовке; в этом направлении работают две организации, содержащиеся на правительственный счет; это: „латвийские соколы“ и „бой-скауты“, при чем первая ведет работу по военному обучению и физическому развитию среди взрослых; вторая среди детей и молодежи до 18 лет.

ГЛАВА VI.

ЛИТВА.

Территория и население.

Литва, расположенная к юго-западу от Латвии и соединяющая последнюю с Германией, занимает в настоящий момент территорию бывшей Ковенской губернии (без восточной части Ново-Александровского уезда), два уезда Виленской губ. и пять уездов Сувалкской губ., всего площадь в 70.000 кв. километров.

Однако, Литва претендует на гораздо большую область, включая сюда некогда принадлежавшие ей Виленскую область с древней столицей Литвы—Вильной, Гродненский уезд и область небольшого немецкого портового городка Мемеля (в древности известный под литовским именем Клейпеда).

О виленском вопросе мы поговорим ниже; теперь же скажем несколько слов о самом литовском народе и его короткой истории, начиная с начала империалистической войны.

Литовцы—почти исключительно крестьяне, сплошь заселяют, главным образом, деревни, города же до недавнего времени существуют на счет пришлого элемента.

Всего в Литве проживает около 2 миллионов литовцев, что составляет около 70% населения страны. Много литовцев, спасаясь от преследования царских властей и в поисках куска хлеба, эмигрировали в Америку, где составили компактную национальную массу в 500.000 человек. Кроме того, около 750.000 литовцев живет в Восточной Пруссии (район упомянутого выше Мемеля).

Из других национальностей отметим евреев, поляков, русских и немцев.

Евреи живут в городах и многочисленных местечках Литвы. Составляя во всей Литве около 12% всего населения, евреи в городах образуют до 50, а иногда и 70% населения. Основное занятие еврейского населения - ремесло и торговля. Еврейские рабочие—ремесленники и на кожевенных заводах—издавна играли здесь первенствующую роль в социалистическом движении. Большой процент дают евреи среди городской интеллигенции, врачей, адвокатуры и пр. Много евреев также среди буржуазии.

Поляки, которых на Литве до 8%, также выделяются в социальном отношении.

Вне города это—крупные землевладельцы, помещики, или мелкопоместная шляхта. В городах—интеллигенция и буржуазия.

Русских—всего 6%, немцев—4%.

Мы не говорили о Вильне и Виленской губернии, где роль поляков еще выше, чем собственно в Литве.

Создание „демократической" Литвы.

Как мы говорили уже в III главе, бежавшая при наступлении Красных войск из Вильны в Ковно „Тариба" составила там литовское правительство, распространившее сначала свою власть только на часть Сувалкской и Ковенской губернию. Весною 1920 года в Ковне были произведены выборы в Литовское Учредительное Собрание, на которых победу одержали клерикалы-националисты, сумевшие использовать влияние католического духовенства на забитую крестьянскую массу. Таким образом, в Учредительное собрание прошло от „клерикального блока", состоявшего из „христианских демократов", „союза сельских хозяев" и т. наз. федерации труда — 59 делегатов; „народнический блок" (правые народники и крестьянский союз Литвы) получил 29 мест и социал-демократы—14. Несмотря на явное преобладание клерикалов, во главе сформированного Учредительным Собранием правительства стал „народник" доктор Гринюс, так как победители клерикалы не хотели брать на себя всей ответственности. Учредительное Собрание выработало конституцию Литвы, предусматривающую всякие „демократические" свободы (не мешающие, однако, литовской охранке „Жвальгибе" бросать в тюрьму всякого подозрительного „по коммунизму" человека). Литва была весьма торжественно об'явлена демократической республикой. Обязанности президента возложены на председателя Учредительного Собрания Стульгинского.

„Желиговщина" и Виленский вопрос.

Литовское государство было образовано тогда, когда Вильна находилась в руках поляков. Славное наступление Красной Армии на польском фронте вернуло Вильну Советской власти. Однако, в это время (в июле 1920 г.) в Москве был подписан мирный договор между Советской Россией и Литвой, признавший за последней исторические права

на Вильну и Гродно. Как всегда, верная принятым на себя обязательствам—Советская власть очистила Вильну (осенью 1920 г.) и передала ее литовцам. Этим моментом и слабостью только лишь создавшейся литовской армии воспользовались поляки, которые, в лице генерала польской службы Желиговского, захватили Вильну и вынудили литовцев опять отступить к Ковне. На этот раз Вильна надолго перешла к полякам и т. н. „Виленский вопрос" стал предметом длительной вражды между литовцами и поляками и бесконечного его разбора на всевозможных конференциях, созываемых „Лигой наций".

Для того, чтобы лучше понять сущность Виленского вопроса, скажем несколько слов о самой „Виленщине", или, как поляки ее называют, „Серединной Литве". В самой Вильне, как мы уже говорили, большинство населения составляют поляки (53, 6%) и евреи (41%), литовцы же составляют всего 1, 2% населения города. Таким образом, Вильна—экономический центр края и историческая, древняя столица Литвы, является как бы островом среди всей остальной Литвы, к тому же в течение многих лет полонизировавшимся и окончательно потерявшим национально-литовский вид. Поляки, упорно насаждавшие долгие годы в крае польскую культуру и захватившие в свои руки все землевладение Виленщины, привыкли считать Вильну неотъемлемой частью Польши. Поэтому еще при царском режиме поляки относились чрезвычайно враждебно ко всякому проявлению литовской национальной мысли и национального творчества. Так, они встретили некогда чисто романтические попытки одиноких литовских националистов возродить литовский язык и литовскую литературу (общество „Любителей Литвы" и пр.). Понятно, какую бурю ненависти вызвало среди польских шовинистов теперешнее национальное литовское течение, облеченное уже в реальные „самостийные" формы.

Ненависть эта, правда, питалась не только одним голым шовинизмом, за ним стояла и другая, более реальная опасность для поляков: польское землевладение могло оказаться в прямой опасности при возможности хотя бы некоторой аграрной реформы в Литве. Кроме того, в упорных притязаниях Польши на Вильну нетрудно заметить и „хозяйскую" руку Франции, боящейся возможности создания из Виленщины коридора между Россией и Германией и полагающей, что нахождение этого коридора в руках панской Польши более надежно, чем в руках более „левой" Литвы, тяготеющей и по экономическим причинам к Германии.

В длинных, бесконечно затянувшихся спорах литовцы доказывали, что Вильна—город искусственно ополяченный и что польское влияние в нем постепенно исчезнет, как исчезло за последнее время германское влияние в Риге и Ревеле; кроме того, говорили они, деревни Виленщины еще не утратили чисто литовского национального вида и тяготеют все-таки к Литве. После долгих споров и всевозможных конференций, в Виленщине, наконец, при участии комиссии союзников, были произведены выборы в Виленский Сейм, проведенные поляками при полном отсутствии национальной (литовской, еврейской, белорусской) независимой печати и бессилии полузадушенных рабочих и профессиональных организаций. В голосовании отказались участвовать литовцы, евреи и белоруссы, и таким образом, высказался лишь самый незначительный процент населения.

Полякам, однако, этого „большинства“ оказалось совершенно достаточно, и они не замедлили об'явить Виленщину присоединенной к Польше.

Литовцы, однако, отнюдь не считают этот вопрос разрешенным.

Насколько отношения между Польшей и Литвой обострены из-за Виленского вопроса, можно судить по тому, что Литва отказалась участвовать совместно с Польшей на Прибалтийской конференции, состоявшейся при участии России в Риге перед началом конференции в Генуе.

Однако, „Лигой Наций“ все время делаются упорные попытки к „примирению“ Польши с Литвой. Великие державы хотят принудить Литву заключить унию (союз) с Польшей, но такой союз вовсе невыгоден для Литвы, так как, заключив его, она фактически лишится своей самостоятельности.

Внешняя политика Литвы.

Выше мы коснулись главнейшего вопроса внешней политики нынешней Литвы (так называемой „Ковенской“), теперь скажем несколько слов об остальных факторах ее внешней политики и взаимоотношениях с Советской Россией.

Как мы говорили выше, „Тариба“, породившая современное Ковенское правительство, была создана германскими оккупантами при условии военного, железно-дорожного, таможенного и монетного союзов нового государства с Германией. Эти союзы в той или иной форме остались на лицо и до сих пор и некоторые из них, как напр. монетный, играют главен-

ствующую роль в жизни Литвы и связывают ее материальное благополучие с благополучием Германии (о планах введения собственной литовской валюты мы скажем ниже, когда будем говорить об экономическом положении страны). Кроме того, Литва связана с Германией и тесными торговыми взаимоотношениями: 75% ввоза в Литву идет из Германии, имеющей в Литве постоянный рынок для сбыта излишков своих товаров. Помимо этого, литовские железные дороги пользуются германскими вагонами. Еще в апреле текущего 1922 г. литовским и германским правительствами заключено специальное соглашение о предоставлении в пользование Литве 400 германских товарных вагонов.

Таким образом, если Латвия и Эстония с первого дня их самостоятельности находятся под „руководством" Англии и Франции, то Литва отчасти придерживается германской ориентации.

Об этой „ориентации" говорилось еще на самом первом заседании „Тарибы" в Вильне 18 сентября 1917 г., в речах членов последней: Сметаны, Басановича и Климаса (впоследствии крупных деятелей и министров Ковенской Литвы).

О взаимоотношении Литвы с другими Прибалтийскими республиками (Латвией и Эстонией) мы скажем в заключительной главе, когда будем говорить о проектах, так называемого „Прибалтийского союза".

Что касается взаимоотношений Литвы с РСФСР, то они протекают с момента подписания договора более или менее нормально, не вызывая таких осложнений, какие наблюдаются, например, в наших отношениях с Латвией. В период отступления нашей армии от Варшавы и Вильны, роль литовской армии была чисто предательской по отношению к нам; это об'яснялось двойственной политикой литовского правительства, боявшегося за судьбу Вильны. Этот период был ликвидирован нападением генерала Желиговского на Вильну. Дальнейшим миролюбивым отношениям способствует, с одной стороны, отсутствие общей между Россией и Литвой государственной границы, а с другой,—преобладание в Литве не французской враждебной нам ориентации, а дружественной ныне германской, а еще более вражда Литвы к Польше. Однако, уже не раз, а в последнее время все чаще и чаще в литовской правой печати стали раздаваться голоса клерикалов, ложно обвинявших российское правительство в несоблюдении экстерриториальности (неприкосновенности) литовского представительства в Москве. Кроме того, в последние месяцы нормальные отношения были нарушены обнаружившейся крупной спекуляцией со

стороны ответственных чинов литовского представительства коньяком, сахарином и медикаментами, ввозимыми в Россию под видом дипломатической почты, подобно тому как это проделывалось эстонским представительством.

В начале апреля с/г. состоялась в Ковне железнодорожная конференция при участии представителей Германии, Латвии, Литвы и России. Обсуждались вопросы, связанные с транзитом германских грузов в Россию через Литву и Латвию.

Экономическое положение Литвы.

Если политическое положение Литвы, как мы выше говорили, мало устойчиво и находится в той или иной зависимости от дальнейших влияний Польши, с одной стороны, и Германии, с другой, то в экономическом отношении Литва представляет собою более цельный и устойчивый организм.

Сельское хозяйство.

Громадный процент населения падает на сельские местности; в городах живет всего лишь 14% населения. Значительная часть земель находится в руках крупных и средних землевладельцев (помещиков и хуторян). Количество безземельных и малоземельных крестьян довольно велико; так, в Ковенской губ. безземельных — 14,2,%, а малоземельных пр.—16%. Аграрный вопрос литовским правительством еще не разрешен, так как он тесно связан с политическими вопросами, в частности, с вопросом о польско-литовских взаимоотношениях; как мы уже выше говорили, все крупные имения в крае находятся издавна в польских руках. Так, в Ковенской губернии польские имения составляют 75%, а в Виленской губ.—73% всей крупной земельной собственности.

Кроме земледелия, значительную роль в хозяйстве страны играет и лесное дело. Общая площадь леса в Литве достигает полутора миллионов десятин. Леса этого не только хватает для внутреннего потребления, но он может служить также и важной статьей литовского вывоза. И теперь, несмотря на низко стоящую лесную культуру, много леса в необработанном виде вывозится из Литвы заграницу.

Промышленность.

Промышленность Литвы развита чрезвычайно слабо из-за полного отсутствия ископаемых и угля. До войны развита была лишь кожевенная и лесообрабатывающая промышленность. Однако, во время войны значительная часть всех

фабрик и заводов Литвы была вывезена немцами, и всю промышленность теперь приходится создавать заново. Как в стране земледельческой, в Литве будущность имеет выработка предметов, необходимых в сельском хозяйстве и земледелии (заводы земледельческих орудий и машин, гвоздильные и проч.), обработка дерева и сырья (лесопильные и кожевенные); однако, возрождение этой промышленности идет весьма медленно, хотя литовское правительство и поощряет всяческие начинания в этой области.

Делаются также шаги по созданию ткацкой промышленности (по использованию литовского льна); первая такая фабрика сооружается вблизи Таурогена и приступит к работе с осени текущего года. Недавно открыт в Поневеже завод для ректификации (очистки) спирта. Главными акционерами этого завода являются видные литовские общественные деятели, близкие к министерским сферам, во главе с Ичасом (б. членом Госуд. Думы—кадетом).

Внешняя торговля.

Литва в своей внешней торговле теснейшим образом связана с Германией. Так, в таблице ввоза в Литву за 1921 г. Германия с Данцигом занимает главное место и составляет 77,55% общего количества ввоза в Литву. Ввозится, главным образом, мануфактура, металлические изделия, сахар, соль и искусственные удобрения для нужд сельского хозяйства. Всего ввезено за 1921 г. (с января по 8 декабря) на сумму 800.000.000 германских марок. Вывозятся, главным образом, лес и продукты сельского хозяйства.

Финансы.

Мы говорили уже в начале настоящей главы о монетном союзе Литвы с Германией, выразившемся в том, что в Литве до сих пор остались в обращении германские марки специального выпуска (1916, 1917 и 1918 г.г.) для восточных оккупированных областей, так называемые, „ост-марки“ и „ост-рубли“.

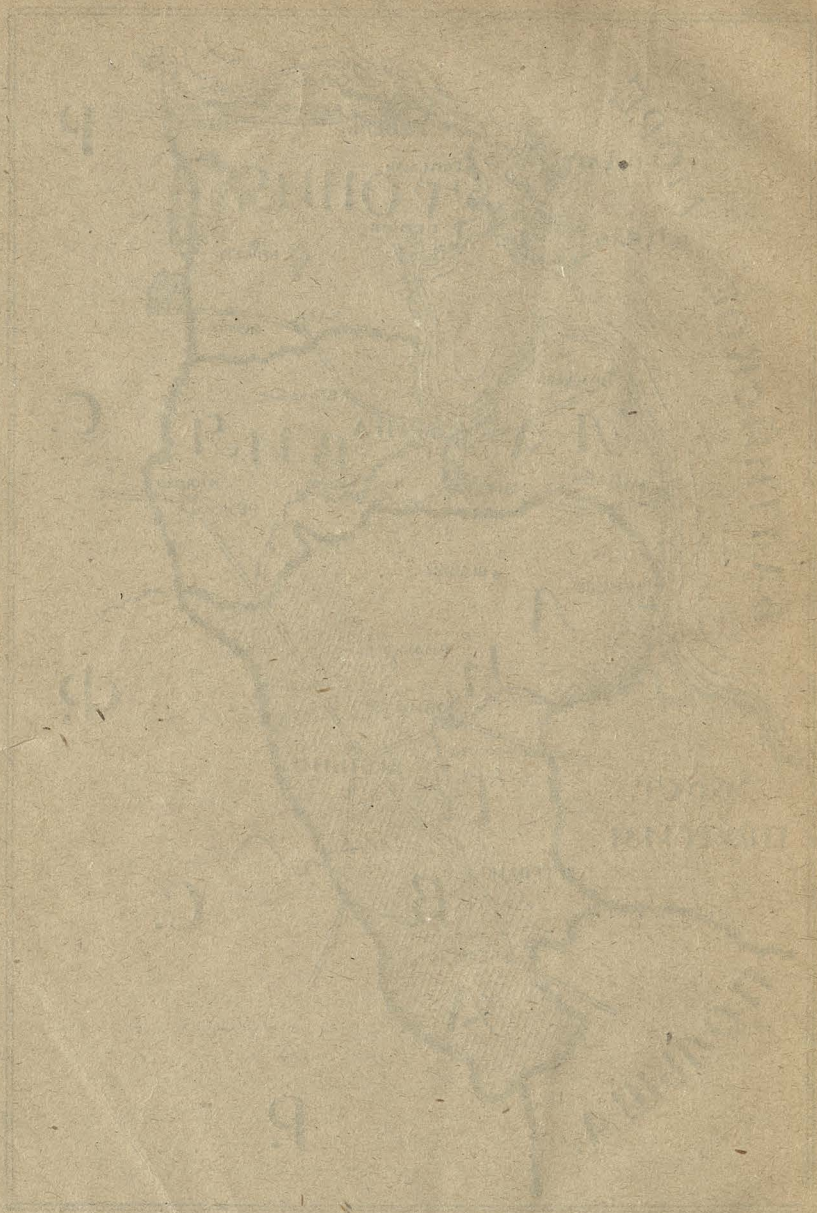
До сих пор это было для Литвы весьма удобно, так как зависимость от более или менее устойчивой (до последнего времени) германской марки не заставляла Литву переживать тех „валютных потрясений“, которые чуть не ежедневно переживали Эстония и Литва, а в особенности Польша.

Однако, недавнее сильное падение германской марки довольно чувствительно отразилось на финансовом положении и общей экономической жизни Литвы и заставило руководителей литовским финансовым аппаратом (во главе с министром финансов, торговли и промышленности Добкевичусом) создать новый проект введения в Литве собственной валюты, опирающейся на более устойчивый американский доллар. Проект этот сводится в кратких словах к следующему: литовской денежной единицей считается один лит, „имеющий ценность 0,150,462 грамма чистого золота", которого в запасах литовской казны совершенно нет.

Правом выпуска денег пользуется лишь один „эмиссионный банк" с основным капиталом в 2.000.000 долларов. Акции банка распространяются частично ($^1/_3$) между иностранцами, которые получают значительное влияние в банке. Один из помощников управляющего банком и один из директоров—иностранцы; им же предоставлено значительное количество мест в ревизионной комиссии. Банк пользуется правом выпуска денежных знаков на сумму 3.000.000.000 ауксин. Обеспечиваются новые деньги до $^1/_3$ золотом, а $^2/_3$ иностранной валютой и литовским сырьем. Служащим банка и акционерам предоставляется ряд льгот.

Проект этот будет в скором времени обсуждаться в Литовском Учредительном сейме. Судьбу его пока еще трудно предугадать. Отметим лишь, что против этого проекта сильно восстает часть литовских промышленников, справедливо опасающихся, что эта затея еще более расстроит запутанные литовские финансовые дела. Дела же эти действительно весьма запутаны, так как расходы Литвы значительно превышают доходы. Еще при царской власти доход казны в Литве вместе с Вильной равнялся 56 миллионам рублей, а расход—63 миллионам. Теперь эти цифры расхода значительно увеличились из-за необходимости чрезмерных трат государства на „дипломатические" нужды (содержание громадных посольств во всех столицах мира) и, в особенности, на содержание армии, на долю которой падает до 65% всех расходов Литвы; таким образом, в интересах Литвы сокращение вооружений, а, следовательно, и мирное сожительство с своими соседями, что, однако, пока еще, в особенности в отношении Польши, невозможно из-за Виленского вопроса.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
НАРВСКОЕ
ВЕЗЕНБЕРГ
НАРВА
РЕВЕЛЬ
ДАГО
ГАПСАЛЬ
ЭСТОНИЯ
О.ЭЗЕЛЬ
ПЕРНОВ
ЮРЬЕВ
ВАЛК
ВЕРРО
ВИНДАВА
ВЕНДЕН
ЛАТВИЯ
РИГА
ЛИВАВА
МИТАВА
КРЕЙЦБУРГ
ЛЮЦИН
РЕЖИЦА
МЕМЕЛЬ
ШАВЛИ
ЛИТВА
ВИЛЬКОМИР
КОВНО
ВЕРЖБОЛОВО
ВИЛЬНО
ВОСТ. ПРУССИЯ
ЛИДА
ГРОДНО
БЕЛОСТОК
ПОЛЬША
Р.
С.
Ф.
С.
Р.
МЕСТНОСТЬ ОККУПИРОВАННАЯ ПОЛЯКАМИ
СПОРНАЯ ТЕРРИТОРИЯ



„От Вашингтона до Генуи“.

„Основная военная задача момента“.

„Следи за умывальником“ (плакат).

„Наставление по строевому обучению красной конницы“, ч. 1, подготовка всадника-бойца.

Белухин.—Мина Уайтхеда“.

Блинов. – „Взрывчатые вещества“.

Брикс.—„Паральная теория гребного винта“, часть 1.

„Описание морских предост. знаков по Северно-Ледовитому океану и Белому морю“.

Белухин.—„Описание устройства приборов Обри“.

Зингер.—„Следствие и суд в Балтийском флоте после Октябрьской революции“.

„Труды 1-го Всероссийского с'езда библиотечных работников Красной армии и флота“.

Михеев и Свенцицкий.—„Учебник топографии“.

„Пособие для практического ведения специальных занятий с младш. комсоставом артиллер.“.

Сулейман. „Конспект 2-й части курса. Устройство тыла и тактики снабжения в действующей армии“.

„Изменение в инструкции для приема 3-х лин. винтовки обр. 1891 г. при изготовлении винтовок в ненормальных условиях“.

Коваленко.—„Элементарный курс авиационного радиотелеграфа“, ч. 1.

„Временные правила о порядке выполнения и учета воинских перевозок“.

Асин.—„Действия в горах“.

Башинский.—„Подготовка артиллерийской стрельбы“.

„Руковод. службы полевой тяжелой артиллерии 107 м./м. 42-лин. скорострельной пушки“. Отд. V. Боевые припасы.

„Постановления и резолюции XI С'езда РКП“.

Каменев.—„Стрелковый бой“

Ефремин.—„Опыт методики политграмоты“, ч. 1, изд. 2.

Дейч.—„Программа краткого курса воен. хоз. для старшего курса Воен. Академии“.

Трунов.—„Наставления для стрельбы по воздушным целям“.

Трунов.—„О стрельбе по кораблям воздушного флота“.

Яцук. – Стратегическая маскировка“.

Свечин —„История военного искусства“, ч. 1.

„Руковод. службы тяжелой артиллерии“. Отд. V.

Столбин.—„Современная артиллерия“.

Городецкий. – „Пан жупан, долой обман“.

„ „Знай Боярскую Румынию“.

Вазаревский.—„Руковод. для ведения военной игры“.

Белицер.—„Руковод. к распознаванию и лечению пироплазмоза лошадей“.

„Основные принципы военно-учебного строительства“.

Ростовский.—„Прибор Пантограф“.

Козьма Бессребренник.—„Сказка про Фоку“.

Маниковский.—„Боевое снабжение русской армии“.

ЭКЗЕМПЛЯР ПРОДАЖЕ
не подлежит.

Продажа будет преследоваться как расхищение народного достояния.

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ.
МОСКВА
1922 г.

2020246700